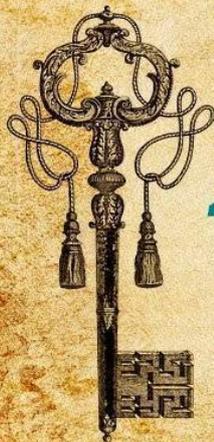

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

Аквамариновое танго

Приключения баронессы Корф

Валерия Вербинина
Аквамариновое танго

«Автор»

2013

Вербинина В.

Аквамариновое танго / В. Вербинина — «Автор», 2013

ISBN 978-5-699-62632-8

Неожиданно для себя баронесса Амалия Корф стала... подозреваемой в убийстве! Но, возвращаясь из Парижа в Ниццу, она просто не могла проехать мимо лежащего на обочине человека, застреленного тремя выстрелами в грудь... Им оказался владелец кафе «Плюш» Жозеф Рошар. Через несколько дней убили и его жену, а на зеркале осталась надпись помадой – «№ 3»... Инспектор Анри Лемье сразу поверил, что Амалия тут ни при чем, и согласился на ее помощь в расследовании. Вместе они выяснили: корни этих преступлений ведут в прошлое, когда Рошары служили в замке Поршер. Именно его сняла известная певица Лили Понс, чтобы встретиться с друзьями Рождество. Там она и нашла свою смерть – якобы покончила с собой. Но если все так и есть, почему сейчас кто-то начал убивать свидетелей того давнего дела?

ISBN 978-5-699-62632-8

© Вербинина В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Валерия Вербинина

Аквамариновое танго

Пролог

Труп проснулся рано утром. Кряхтя, он выбрался из-под одеяла и отправился приводить себя в порядок.

Собственно говоря, в эти мгновения он еще не являлся трупом. Можно сказать и так, что он был без нескольких часов трупом и его смерть уже вырисовывалась в контурах последнего дня его жизни.

Однако в эти мгновения, когда он чистил зубы, одевался, разворачивал газету, ворчал на дороговизну и на нелепые действия правительства, он менее всего думал о смерти и о том, что всему сущему когда-нибудь приходит конец. Не беспокоили его также и соображения о своем завещании, о том, кому что достанется, когда его не станет. Нельзя сказать, чтобы это совсем его не интересовало – напротив, он никогда не принадлежал к людям, которые считают, что после них хоть потоп. Завещание он написал давно и с тех пор о нем не вспоминал да и не видел смысла в этом, особенно в такой рядовой день, как сегодняшний.

Не было ни единого намека на то, что его существование вскоре оборвется, ни одной зловещей приметы, никакого знака свыше – ничего. Кот, как обычно, подошел к хозяину, прося ласки, и кофе был горячий, именно такой, какой он любил.

Утро прошло, как проходят все утренние часы, и день, который его сменил, тоже оказался самым обыкновенным днем. Все то же самое и все так же, как всегда. Ничего особенного.

Ближе к вечеру труп вспомнил, что ему надо кое-куда съездить, и вышел. В окно жена видела, как он садился на свой велосипед.

– Ты скоро? – крикнула она.

Не отвечая, он только кивнул, сел на велосипед и растворился в дымчатых средиземноморских сумерках. Она видела его сутуловатую спину, когда он уезжал, и даже тень предчувствия не сжала ее сердце. Впоследствии она пыталась вспомнить хоть что-нибудь, что указало бы ей на то, что в то мгновение она видела его живым в последний раз, но тщетно.

Через несколько часов для него все завершилось навсегда; потому что смерть – единственное, о чем можно сказать, что она действительно навсегда. Он лежал на обочине, возле своего велосипеда, и теперь никто не мог отрицать, что это был уже не человек, а просто труп. Бледный мотылек кружил над его лицом.

Из-за поворота выехал автомобиль, один из тех громадных автомобилей, которые были на ходу еще до недавней войны. Желтоватый свет фар осветил застывшее лицо покойника. Мотылек исполнил в воздухе какой-то замысловатый танец и исчез, словно его и вовсе не было.

Из автомобиля вышла женщина, окликнула лежащего, затем подошла ближе. Фары светились за ее спиной, словно глаза какого-то механического чудовища, мотор пыхтел с усилием, как человек, страдающий одышкой.

Женщина подошла ближе, внимательно оглядела труп и то, что лежало возле него. Хотя она понимала, что надежды практически нет, для очистки совести она все же потрогала пульс. Но рука трупа была холодной и застывшей.

Через несколько секунд дверца автомобиля хлопнула, и сумерки съели его – весь, вместе с дамой, которая в нем ехала, и одышливым мотором. Последними тьма проглотила глаза фар, которые были видны еще несколько мгновений, пока автомобиль ехал до следующего поворота.

Глава 1

Королева без трона

– Ваше имя?

– Амалия Корф. Баронесса Амалия Корф.

Молодой полицейский, заполнявший протокол, поднял глаза. Почудилось ли ему или свидетельница упомянула о своем титуле как бы между прочим, но с вполне определенной целью поставить собеседника на место? Однако Амалия ответила ему таким безмятежным взглядом, что инспектор невольно смутился.

– Вы живете в Ницце?

– В основном в Париже, но в здешних краях у меня дом.

– Вы француженка?

– Я русская. Впрочем, паспорт у меня британский.

Теперь Анри Лемье кое-что вспомнил об этой странной русской, у которой действительно была вилла близ Ниццы. Теперь, после революции на ее родине, баронесса устроила на вилле нечто вроде центра для русских беженцев, на что местная полиция смотрела, скажем откровенно, без особого восторга. Им не нравились толпы дурно одетых, измученных людей, нередко прибывавших во Францию без всяких документов – или с такими документами, проверить подлинность которых не было никакой возможности. Однако несколько попыток властей под разными предлогами прикрыть это убежище закончились нешуточными скандалами, которые всегда разрешались в пользу этой непроницаемой светловолосой дамы с золотисто-карими глазами. Анри вспомнил разговоры о том, что у баронессы сохранились связи, которые она без малейшего колебания пускает в ход, и насупился. Он терпеть не мог людей, которые считают, что у них есть какие-то привилегии перед законом. Впрочем, до сих пор баронесса отвечала на его вопросы вполне откровенно, надо отдать ей должное. И все же эта женщина инстинктивно не нравилась ему, хотя он и сам не понимал почему.

– Расскажите, пожалуйста, как вы обнаружили тело, – попросил он.

– Я направлялась из Парижа в Ниццу на своей машине. Подъезжая к Ницце, я увидела на обочине велосипед и рядом с ним лежащего на земле человека. Я подумала, что он мог стать жертвой аварии или сердечного приступа. Я остановила машину и вышла, но беглого осмотра хватило, чтобы понять: здесь не было ни того, ни другого. Кто-то застрелил его, всадив три пули в грудь.

Инспектор Лемье привык к свидетелям, которые выражаются сумбурно, без конца повторяют одно и то же и, не в силах выразить какую-то мысль словами, помогают себе бурной жестикуляцией. Четкость показаний Амалии не то чтобы поразила его, но, скажем прямо, немного озадачила.

...И еще он внезапно понял, кого именно ему напоминает его собеседница. Она была похожа на королеву без трона. Она, возможно, сама не сознавала этого, но манера держаться, речь, посадка головы – все выдавало в ней человека иного круга, даже другого мира, того мира, который с Первой мировой войной канул в небытие.

– Вы полагаете, – спросил Анри, – что этого человека кто-то убил?

– Я думаю, вряд ли он сумел бы совершить самоубийство, выстрелив в себя трижды.

Она язвила и улыбалась – инспектор хоть и заметил колкость, все же поймал себя на том, что его так и тянет улыбнуться в ответ.

– Вы не знаете этого человека? – продолжал он.

– Нет.

– Вы абсолютно в этом уверены?

- Абсолютно.
- Итак, вы увидели тело и отправились в полицию...
- Я думаю, в данных обстоятельствах это было разумнее всего.
- Может быть, вы заметили еще что-нибудь, кроме того, что его застрелили?
- Да. Возле трупы лежал листок, придавленный камнем. Я так понимаю, это было сделано, чтобы листок не улетел от ветра.
- Что за листок?
- Обыкновенный лист бумаги, не очень большой.
- Инспектор нахмурился.
- В чем дело? – спросила Амалия, которая ни на секунду не переставала наблюдать за своим собеседником.
- Когда полиция прибыла на место, там не было никакого листка.
- В кабинете наступило молчание.
- Очень странно, – медленно проговорила Амалия. – Лично я готова поклясться, что листок был, когда я уезжала оттуда.
- Что это был за листок, вы не запомнили?
- Разумеется, запомнила, потому что это показалось мне необычным. На листке крупно было написано: «№ 3».
- Номер три? – изумился инспектор.
- Да.
- Вы его трогали?
- Разумеется, нет. В наши дни всем, даже школьникам, отлично известно, что на месте преступления ни к чему прикасаться нельзя.
- То есть вы не забирали листок?
- Нет, я же сказала вам.
- Тогда куда же он мог деться?
- Амалия пожала плечами.
- Полагаю, инспектор, это уже ваша задача установить – куда.
- Конечно, она не брала листок, Анри даже не сомневался в этом. И все-таки она поставила его в тупик. Он подумал, сколько людей, имеющих собственные машины, предпочли бы просто проехать мимо бедняги, лежащего на обочине. Мы ничего не заметили, господин инспектор, мы торопились, и вообще, было уже темно... А вот она остановилась и сразу же обратилась в полицию, когда поняла, что дело неладно. Анри почувствовал, что его неприязнь к этой странной даме начинает ослабевать. Она поступила именно так, как должна была, и почему-то он был уверен, что и в других обстоятельствах она стала бы действовать точно так же.
- Кто он? – спросила Амалия.
- Простите?
- Убитый, он кто?
- Сожалею, но поскольку ведется следствие...
- Полно вам, инспектор. Я же все равно все прочитаю завтра в утренних газетах... Так кто он такой?
- Жозеф Рошар, – сдался инспектор. – Владелец местного кафе «Плюш».
- И только? Сдается мне, вы чего-то недоговариваете.
- Простите?
- Рядовой владелец кафе не слишком тянет на человека, в которого могут всадить три пули, – снисходительно пояснила Амалия. – Чем он занимался?
- Я уже вам сказал, – с неудовольствием ответил инспектор. – Он был хозяином кафе.
- Только и всего?
- Только и всего.

Амалия задумалась.

– Занятно, – проговорила она, ни к кому конкретно не обращаясь. – Разумеется, если бы он вез при себе большие деньги, это бы объяснило обстоятельства, при которых его нашли. У него было при себе что-нибудь?

– Мы проверяем. Насколько нам известно, все его вещи на месте.

– А что значит пропавший листок с третьим номером? У вас есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

– Никаких, сударыня. Я впервые услышал о нем от вас.

Амалия поглядела на его молодое открытое лицо и подавила вздох. Худощавый темно-волосый Анри отчаянно пытался отрастить усы, но, судя по результатам, они не особенно спешили оправдать его надежды. На подбородке у него красовалась ямочка, придававшая ему юный вид. Безмятежный, чистенький, аккуратный юноша с белоснежными манжетами, застегнутый на все пуговицы и в идеально отглаженном костюме. Почему-то он напомнил Амалии детей, которые старательно играют во взрослых, но, что бы они ни делали, в каждом их жесте чувствуется, что это еще дети.

Как же он будет расследовать это дело? Или тут замешано что-то личное? До перехода к Франции Ницца была итальянской территорией, и тут до сих пор кипят итальянские страсти, которые нет-нет да дают о себе знать. Однако практичная Амалия тотчас же вспомнила, что убитому было лет под шестьдесят и, стало быть, он совсем не тянул на донжуана, который соблазнил чью-то жену и нарвался из-за этого на пулю – точнее, даже на три пули.

И при чем тут пропавшая записка с номером? Если это угроза, то кому? Если предостережение, то почему в такой странной форме?

Впрочем, в любом случае все это ее больше не касается. Она лишь свидетель, не более того. Увидела тело и сообщила о нем в полицию.

– Подпишите вот здесь, сударыня.

Очень решительная дама, подумал он, увидев, как она размашисто ставит подпись под протоколом. Порывшись в сумочке, Амалия вынула оттуда визитную карточку.

– Здесь мои телефоны, в Ницце и в Париже. Если выяснится что-то новое, позвоните мне.

Анри не подал виду, однако он был задет. Она что, всерьез верит, что он будет посвящать ее в детали полицейского расследования?

– Вдруг у вас возникнут ко мне еще какие-нибудь вопросы, – пояснила Амалия спокойно. – Ведь это вы будете вести дело?

– Я думаю... то есть почти уверен... да.

– Что ж, желаю успеха. До свидания, инспектор.

Она улыбнулась каким-то своим затаенным мыслям и вышла, оставив после себя тонкий аромат дорогих духов.

* * *

Всего их было семнадцать.

Семнадцать человек, сложенных из бумаги. Пятнадцать стояли на полке. Двое лежали в стороне без голов, отстриженных ножницами.

За дверями послышались чьи-то шаркающие шаги. Дверь растворилась, и в темном проеме возник силуэт человека.

Он не сразу зажег свет. Полка с ее бумажными жителями и манила его, и отпугивала, но, раз начав, надо было довести дело до конца.

Щелкнул выключатель, и человек расхлябанной походкой двинулся к полке. По пути он взял со стола острые ножницы.

– Ну вот и третий, – проговорил он негромко и, сняв с полки третьего человечка, отстриг ему голову.

На спине у бумажного человечка неровным, прыгающим почерком было написано: «Жозеф Рошар».

Глава 2

Номер два

– Мама, почему ты так поздно? Что-нибудь случилось?

Таковыми словами встретила Амалию ее дочь Ксения, когда баронесса наконец прибыла на виллу.

– Ничего особенного. Я была в полиции.

– О! Машина подвела?

– Это не из-за машины, никакой аварии не было. Я нашла убитого.

– Где?

– На обочине, в нескольких верстах отсюда. – Почему-то ей было легче сказать русское слово «верста», чем обычный для Европы километр, хотя это почти одно и то же.

Тут появился старший сын Амалии, Михаил, который в последнее время был на вилле за главного, и Амалия повторила детям то, что уже рассказала ранее инспектору.

– Какая-то мутная история, – проворчал сын. – Надеюсь, хоть в этом они не станут обвинять русских беженцев? Недавно у соседей пропала какая-то мелочь, так они сразу же написали на нас жалобу, что, мол, наши жильцы занимаются воровством, а мы их покрываем. В конце концов выяснилось, что украл их же слуга, но хозяева и не подумали извиняться.

Амалия поморщилась.

– Насколько я поняла, пока еще слишком рано делать какие-то выводы. Я имею в виду, кто убил того беднягу.

– И вообще это нас не касается, – добавила Ксения. – Тебе разогреть ужин?

– Нет, уже слишком поздно. Миша, как идут дела на вилле?

И она стала обсуждать с сыном судьбы новых беженцев и возможности их устройства.

Амалия вставала поздно, и на следующее утро первая ее мысль была о вчерашнем происшествии. Как следует все обдумав, она отправилась к сыну.

– Миша, где у нас старые газеты? Мне нужны все выпуски за... постой... хотя бы за последние несколько месяцев.

– Ты что-то ищешь? – спросила Ксения, заглянув в дверь.

– Старые газеты. Хочу найти номера один и два. – Видя непонимающее лицо дочери, Амалия пояснила: – Если убийство хозяина кафе было третьим, должны быть второе и первое. Надо понять, в чем дело.

– Что-то я не припомню никаких номерных убийств, – заметил Михаил, – а ведь я читаю всю местную прессу и парижскую тоже.

– Ты мог просто не обратить внимания. Так где газеты?

...Она устроилась в угловой комнате с ворохом газет и, хмурясь, стала просматривать уголовную хронику. Горничная принесла завтрак и бесшумно удалилась. В дверь заглянула Ксения.

– Тебе помочь?

– Да, если тебе не сложно.

– Как по-твоему, что за этим кроется?

– Не знаю, но мне все это не нравится. И еще не нравится то, что убийство произошло недалеко от нас.

– Думаешь, у них хватит низости обвинить кого-нибудь из наших?

Амалия ответила не сразу.

– С тех пор как революционное правительство отказалось платить по царским займам, с французами стало очень тяжело разговаривать, – наконец проговорила она. – Они все время

плачутся, что их обманули, как будто в этом виноваты ты, или я, или белые офицеры, бежавшие от зверств чекистов. Вся беда в том, что французы великодушны ровно до той поры, пока не задет их кошелек. И они никак не могут понять, – прибавила Амалия с ожесточением, – что грешно лезть со своими потерянными франками и сантимами к людям, у которых расстреляли близких, у которых детей живьем сбрасывали в шахты... к беженцам, которые утратили все, что имели, а если и спасли, то жалкие крохи. Франция давно переболела своими революциями, а мы...

Она замолчала, кусая губы.

– Как ты думаешь, – решила Ксения, переворачивая газетные листы, – это надолго?

– Большевики? Конечно. Не стоит тешить себя иллюзиями, дорогая. Империи Российской больше нет.

– Но будет?

– Если и будет, то уже не та, которую мы помним, – отозвалась Амалия, – и потом, для нас это не имеет никакого значения, потому что до новой империи мы все равно не доживем.

– Я очень ценю твою прямоту, – сказала Ксения после паузы. – Но я еще более пессимистична, чем ты. И я не верю в долговечность зданий, построенных на крови.

– Ну, а я знаю, что люди приходят к власти не для того, чтобы эту власть упустить, – отозвалась Амалия. – Все на самом деле очень просто: они выиграли, мы проиграли. Но это не значит, что они правы, и не значит, что не правы мы. Победа означает только то, что кто-то оказался сильнее. Одна русская смута породила Романовых, другая их уничтожила. От Михаила до Михаила, – она поморщилась, – Николай Второй ведь отрекся в пользу младшего брата, и формально Михаил был последним царем, хоть и всего день, кажется... Истории не откажешь в своеобразном чувстве юмора.

Она была готова развивать эту болезненную для нее тему и далее, но решила остановиться. Ни к чему растревать старые раны. Умирают люди, умирают государства, умирают целые империи, увлекая за собой миллионы в небытие. Где теперь германская империя и кайзер с лихо торчащими усами? А австрийская? Поглядишь теперь, сколько Австрия занимает места на карте Европы, и смеяться хочется – а ведь была ого-го какая держава!

– Думаешь, их победа – настоящая? – настойчиво спросила Ксения. – Я почему-то не могу отделаться от мысли, что большевики все равно в конце концов потерпят поражение.

– Может быть, и потерпят, – рассеянно ответила Амалия. – Но ты должна понимать, что это вовсе не значит, что мы победим.

Она просмотрела последние листы и отложила ворох газет, ощущая досаду. Ни в одной из них не нашлось того, что она искала.

– Есть, – внезапно сказала Ксения.

– Что?

– Кажется, я нашла. Только там и речи нет об убийстве.

И Ксения подала матери мятый газетный лист, на котором красовалось несколько фотографий.

– Вот, смотри... Оноре Парни, известный импресарио и владелец парижского мюзик-холла «Альгамбра», погиб во время пожара в его новом заведении, театре «Лорьян», который он собирался перестроить в еще один мюзик-холл.

Амалия быстро пробежала глазами строки.

– Тут нет ни слова о номере втором, – заметила она.

– Посмотри на фото сгоревшего «Лорьяна».

На обгоревшей стене и в самом деле было четко выведено, судя по всему, мелом: «№ 2».

– Однако! – вырвалось у Амалии. – А во время пожара больше никто не пострадал?

– В заметке сказано, что погиб только Парни.

– Но какая связь может быть между владельцем парижского мюзик-холла, судя по всему, человеком обеспеченным, и хозяином скромного кафе в Ницце?

– Хотя бы та, что у них обоих были свои заведения. Только, по правде говоря, я не уверена, что нашла то, что тебе нужно. Мало ли кто мог сделать эту надпись... и потом, это было не в Ницце, а в Париже, и Парни погиб в огне, а не был убит.

– А номер один тебе не попался?

– Нет. Но ты же знаешь, обычно номера ставят, когда предметов больше одного. Я хочу сказать, когда все только начиналось...

– Ты права. – Амалия задумалась. – Дай-ка мне сегодняшние газеты, в которых говорится о владельце кафе «Плюш».

«Курьер Ниццы» превзошел сам себя: статья об убийстве Жозефа Рошара сопровождалась аж тремя фотографиями, на которых были запечатлены место преступления, хмурый инспектор Лемье в шляпе, который держал в руке блокнот и волчьими глазами смотрел в объектив, и кафе погибшего.

– Адрес «Плюша» тут есть, – сказала Амалия. – Кроме того, в заметке упоминается, что у убитого осталась вдова, некая Савини Рошар.

Она поднялась с места.

– Ты хочешь с ней поговорить? – спросила Ксения, которая все схватывала с полуслова. – Об Оноре Парни?

– Я хочу понять, какая связь между этими двумя преступлениями, если она вообще есть.

– Значит, инспектор не внушает тебе доверия?

– Сейчас в полиции очень много молодых, – сказала Амалия, – из-за того, что многие из старшего поколения погибли на фронте. И если хочешь знать мое мнение, то да, для инспектора он слишком молод. А если наши недруги попытаются использовать этот случай и начнут давить на него, он может не устоять. В наших же интересах понять подоплеку этого убийства, и как можно скорее.

– Я могу отвезти тебя, если хочешь, – предложила Ксения.

Она никому не признавалась в этом, но ей становилось не по себе, когда мать уезжала куда-то одна. Казавшаяся такой хрупкой и изящной, Амалия была для своей семьи, в сущности, утесом, за который они все цеплялись – в этом страшном мире, полном бед, утрат и горечи изгнания. И Ксения со страхом думала, что мать уже немолода, хоть и прекрасно выглядит для своих лет, что она может сломаться, может погибнуть, и что будет с ними всеми тогда?

– Нет, – ответила Амалия на слова дочери. – Тут недалеко, я быстро съезжу и вернусь.

Она улыбнулась Ксении, взяла со стола перчатки и вышла, а та, не удержавшись, встала с места и подошла к окну, из которого просматривался почти весь сад. Она видела, как мать вышла из дома. Полковник Добровольческой армии, который жил на вилле, поправляясь после ранения, почтительно поклонился хозяйке. Амалия улыбнулась и сказала ему что-то ободряющее. Несколько беженцев, объявившихся на вилле недавно, сидели на скамье возле ограды, увитой цветущими сиреневыми глициниями. И Амалия, хоть и спешила, все же нашла для вновь прибывших несколько теплых слов.

На дорожке показалась монашка с молитвенником в руках – одна из тех монашек, с которыми Ксения несколько недель назад договорилась, что они будут помогать ухаживать за ранеными. Амалия уже шла к гаражу, но, увидев монашку, свернула в ее сторону. Ксении отчего-то показалось, что монашка немного смутилась. Она обменялась с Амалией несколькими фразами, и та удалилась. Но от Ксении не ускользнуло, что мать разговаривала с девушкой чуть дольше, чем с офицером и остальными беженцами.

Амалия села в машину и выехала за ворота. «Вот так встреча», – мелькнуло у нее в голове, но тут наперерез автомобилю кинулся невысокий малый в кепке, с торчащими из-под козырька

вихрами и с фотоаппаратом в руках. Машина едва не сбила его – не сбила, собственно, только потому, что Амалия, опомнившись, затормозила.

– Вы в своем уме? – сердито крикнула она, высовываясь в окно.

– Габриэль Форе, «Курьер Ниццы»! Вас не затруднит уделить мне пару минут?

Он попытался сделать фото, однако рука в перчатке тотчас же закрыла объектив камеры, нахально уставившейся на Амалию.

– Затруднит, – стальным голосом ответила та.

– Полно вам, сударыня! Всем уже известно, что это вы нашли тело бедняги Рошара... Это правда, что возле него лежал какой-то таинственный листок?

– Простите, полиция настоятельно просила меня ничего не сообщать прессе.

Положим, это было неправдой, но выглядело вполне правдоподобно и, главное, служило отличным предлогом, чтобы не общаться с прессой. Однако коротышка оказался на редкость настойчив.

– Кто просил? Инспектор Лемье? Да ладно вам, сударыня!

Габриэль Форе, судя по всему, принадлежал к тому неприятному типу журналистов, которые становятся все развязнее по мере того, как беседа с ними становится все длиннее.

– Ариведерчи, сударь. – Теперь голос Амалии был не только стальным, но и вобрал в себя весь лед с обоих полюсов.

– Сударыня!

Но Амалия уже уезжала. Однако в зеркальце заднего вида она заметила, как Габриэль, не тратя времени даром, кинулся к выдавшему виду велосипеду, сел на него и что есть духу припустил за ускользящей машиной.

И тут ожил неприятный, гнусавый, занудный голос здравого смысла, помноженного на знание жизни и отсутствие каких бы то ни было иллюзий.

«Если бы ты вчера проехала мимо, – пробубнил этот голос в мозгу Амалии, – ничего этого не случилось бы...»

«А если бы Рошар был еще жив? – тотчас же возразила она себе. – Как я могла проехать мимо, как?»

Она въехала в центр Ниццы и уже через несколько минут остановилась возле кафе «Плющ», в котором в это время было куда больше народу, чем обычно.

– Я хотела бы побеседовать с мадам Рошар, – сказала Амалия официанту, который весь в поту метался между столиками.

– Ее здесь нет.

– А где она?

– У себя, в квартире над кафе. Но она никого не принимает.

– У меня есть сведения о ее муже, которые могут ее заинтересовать.

Официант затравленно покосился на Амалию и, поразмыслив, кликнул какую-то Сюзанну, которая оказалась молодой, неопрятной, кое-как причесанной женщиной в грязноватом фартуке.

– Сюзанна, мадам говорит, что ей надо к мадам Рошар... Это по поводу мсье Жозефа.

– Ступайте за мной, – бросила Сюзанна, хмуро оглядев Амалию.

На лестнице, которая вела в квартиру хозяев, сидел кот и вылизывал лапку. Завидев постороннюю, он весь подобрался и настороженно уставился на нее.

Пока Сюзанна докладывала о ней мадам Рошар, Амалия осматривалась в гостиной, в которую ее привели. Старая мебель, добротная, но ничего особенного, большое зеркало в красивой раме, на стенах – карточки мужчины и женщины в разные периоды их жизни, поодиночке и вдвоем. На одной из фотографий между ними сидел мальчуган и улыбался в объектив всеми ямочками своего широкого, скуластого лица.

– Что вам угодно?

Амалия повернулась и увидела перед собой немолодую седоватую женщину в темно-коричневом платье. Очевидно, у мадам Рошар не было припасено одежды на случай траура, и она надела эту.

– Ступай, Сюзанна, – тотчас же прибавила она.

И по ее властному тону Амалия сразу же поняла, что если кто и был главным в доме, то, скорее всего, не Жозеф, а его жена.

– Я баронесса Корф, – сказала Амалия, когда дверь за Сюзанной затворилась. – Возможно, вам уже говорили, что это я нашла вашего мужа.

Глаза мадам Рошар были совершенно сухи, и при упоминании убитого в них ничего не дрогнуло. И еще Амалия подумала, что ей не нравится их лихорадочный блеск.

Впрочем, баронесса Корф никогда не полагалась на первое впечатление.

– Это ужасно, – сказала мадам Рошар тусклым голосом. – Просто ужасно...

Она вздохнула. Дверь позади Амалии приотворилась, и в щель просочился тот самый кот, который сидел на лестнице. Мадам Рошар покосилась на него так, словно надеялась, что он сможет избавить ее от общества баронессы, и с некоторым опозданием предложила гостье сесть.

– У вас нет никаких соображений, кто мог это сделать?

Вдова не пожалала, а как-то беспомощно передернула плечами.

– Если бы были... Я бы сразу же сообщила полиции.

В ее тоне Амалии почудился оттенок вызова.

– У вашего мужа были враги?

– Какие враги могут быть у хозяина кафе?

– Может быть, он вез в тот день большую сумму денег?

– Нет. Ничего такого не было.

– И при нем не было никаких ценностей?

– Никаких. Я думаю, может быть, это какие-нибудь бандиты...

– Вам сказали, что возле его тела лежал листок, на котором было написано: «№ 3»?

– Да... Этот молодой инспектор... как его... Лонье... упоминал что-то такое.

– И у вас нет никаких соображений по этому поводу?

– Нет.

Она отвечала машинально, почти не задумываясь над содержанием своих ответов. Лихорадочный блеск ее глаз угас, было заметно, что мыслями она где-то далеко. «Думает о траурном платье? О том, во сколько ей обойдутся похороны?»

– Скажите, вам известен человек по имени Оноре Парни?

Зрачки вдовы слегка расширились, в глазах мелькнул – нет, не страх, а какая-то болезненная настороженность.

– Парни?

– Да.

– Никогда о таком не слышала. – Однако она лгала каждой ноткой своего голоса. Рука ее, машинально гладившая кота, устроившегося у нее на коленях, дрожала.

– Вы уверены?

– Да. Да!

– Скажите, в окружении вашего мужа, среди его знакомых не было никаких странных происшествий? Убийств, несчастных случаев?

– Не понимаю, о чем вы спрашиваете, – пробормотала вдова. – Ничего такого не было! Зачем вам все это?

Тон последней фразы был почти умоляющим.

– Если я могу чем-то вам помочь... – начала Амалия.

– Вы не можете мне помочь.

Теперь она говорила с неприкрытой враждебностью. Амалия поднялась с места.

– Все же если вы что-то вспомните... – Она положила на стол визитную карточку. – Здесь мой телефон.

– Это ни к чему.

– Кто знает!

Она испытывала досаду, но ни в коем случае нельзя было ее обнаружить перед этой неуступчивой женщиной с сухими глазами.

– Можете не провожать меня, – добавила Амалия. – Я сама найду дорогу.

И она вышла, но не настолько быстро, чтобы не услышать горячий шепот сникшей мадам Рошар: «О, боже...»

Она что-то знала, в этом Амалия уже не сомневалась. Знала – и боялась проговориться. Но что именно могло объединять хозяина кафе в Ницце и владельца парижского мюзик-холла?

У Амалии возникло тягостное чувство, что она находится только в самом начале расследования, и оно будет вовсе не таким простым, как ей хотелось бы думать, и что оно почти наверняка связано с какой-то липкой тайной прошлого. Если, конечно, ее предположения верны и Оноре Парни – действительно тот самый номер два. Но в этом она уже не сомневалась.

«Вдова не ожидала услышать это имя... Она и растерялась, и испугалась. Чего или кого?»

Через несколько минут после того, как Амалия покинула «Плюш», в нем появился запыхавшийся Габриэль Форэ. Перекинувшись парой фраз с официантом Матье, он разузнал о визите странной дамы, о Сюзанне и с присущей ему настырностью взялся за неряху.

– Ну, месье Форэ, – жеманничала Сюзанна, хихикая, – откуда мне знать, о чем дама говорила с хозяйкой? Я ж не подслушиваю...

– Но ты же могла услышать случайно, верно? Что именно дама хотела знать?

– Она упоминала о каком-то Оноре, – сдалась Сюзанна. – Оноре Берни или Парни, точно не помню.

Обладавший отличной памятью Габриэль тотчас же вспомнил, в каком контексте ему прежде встречалось это имя.

– А почему она о нем спрашивала?

– Откуда мне знать?

– Скажи, а твой хозяин никогда не упоминал его имени?

– Никогда. А кто это?

В ответ Габриэль поцеловал ее в щеку и шепнул ей на ухо что-то, судя по всему, вовсе не о владельце мюзик-холла, потому что Сюзанна стала хихикать еще громче. Она вся порозовела и смотрела на маленького фотографа сияющими глазами.

Вечером Габриэль как бы случайно столкнулся с хмурым Лемье возле полицейского комиссариата. Завидев его, Анри насупился еще пуще.

– У меня нет для вас ничего нового, – выдавил он из себя.

– У меня только один вопрос, – жизнерадостно парировал Габриэль. – Каким образом с делом Рошара связан Оноре Парни, а?

– Кто-кто? – опешил инспектор.

– Эх вы, полицейские, – с притворным сочувствием вздохнул Габриэль. – Дама, которая нашла тело, приходила к вдове и спрашивала ее об Оноре Парни. Да-да, том самом, который сгорел в Париже месяц тому назад.

– Зачем она это сделала? – начал инспектор, но тут же спохватился. – Вам-то откуда известно, что...

– Ветерок принес, – бодро отрапортовал Габриэль, глядя на него светло-серыми смеющимися глазами. – Ветер иногда нашептывает такие интересные вещи! Если бы вы почаще его слушали, инспектор, вам бы цены не было.

– Послушайте, юный проныра...

– Да ладно вам, древний старец, – хмыкнул Габриэль. – Будьте человеком, угостите меня пивом, и я вам обещаю придержать эту информацию.

– Пивом? А может, еще шампанским?

– Ничего не имею против, старик... Эта дама замешана или как?

– Говорю вам, мне ничего не известно, – с неудовольствием пробурчал Анри. – Мы ищем свидетелей убийства, но их нет. Врагов у Рошара не было, они с женой жили тихо, их сын сейчас во флоте. С баронессой Корф он никак не пересекался, я имею в виду убитого.

– Жаль, – вздохнул неисправимый Габриэль. – А то я уже приготовил такие заголовки для хроники! «Баронесса-убийца»! Не разгуляешься с вами, полицейскими...

– Вы что, один ведете всю хронику? Я думал, вы только фотограф...

– Я и фотограф, и интервьюер, и мастер на все руки, – пожал плечами Габриэль. – Мы ж не в Париже! В газету дают не так много рекламы, доходы небольшие, поэтому мне и приходится всем заниматься. Так у вас все-таки нет никаких соображений по поводу того, кто ухлопал Рошара?

– Нет. И вообще, – решил инспектор, – дело это какое-то мутное, я нутром чую. Пошли.

– Куда?

– Пить пиво.

– Как скажете, начальник! – развеселился Габриэль. – Только, чур, вы мне дадите знать, как только что-нибудь прояснится?

– Непременно. Если заплатишь за нас обоих.

Габриэль расхохотался.

– За что я люблю нашу полицию, так это за то, что она своего не упустит... Идем в «Сирену», старик, там у меня неограниченный кредит!

Глава 3

Надпись помадой

– Мама, проснись!

Амалия открыла глаза. Встревоженная Ксения трясла ее за плечо.

– Мама, там тебя спрашивают... Срочно.

– Кто?

– Полиция.

– В чем дело? Чего они хотят?

– Это не связано с приютом для беженцев... Произошло еще одно убийство.

– Скажи, я спущусь через пять минут.

Амалия встала, оделась, наскоро причесалась и, подумав, сунула в карман сложенный газетный лист – фото обгоревшей стены «Лорьяна» с выведенным на нем номером два.

Внизу с отсутствующим видом сидел инспектор Лемье в мятом плаще и серой шляпе. Возле стены стоял мрачный блондин, казавшийся старше своих лет – Михаил.

Завидев Амалию, инспектор поднялся с места.

– Я хотел бы задать вам несколько вопросов, сударыня.

– Да, конечно... Вы можете снять плащ.

– Нет, благодарю вас.

Она покосилась на Михаила. Он понял и вышел. В гостиной остались только Анри и Амалия. Под глазами инспектора лежали темные круги. Шляпу он все-таки снял.

– В чем дело, инспектор?

– Вы не отрицаете, что это ваша карточка?

Он вытащил из кармана свернутый в некое подобие конверта листок бумаги и, повозившись, аккуратно раскрыл его. Внутри лежала визитная карточка баронессы Корф, разодранная на множество мелких кусков.

– Мы нашли ее в доме Рошаров, – пояснил инспектор, испытующе глядя на Амалию.

– Да, я заходила к мадам Рошар и оставила ей свою карточку.

– Зачем?

– Мне показалось, что я знаю, кто был номером вторым.

И Амалия, достав газету, предъявила ее полицейскому.

– Не понимаю, – пробормотал он.

– Взгляните на фото.

Инспектор Лемье увидел нарисованный мелом номер, и его брови поползли вверх.

– Однако... Но...

Больше он ничего не сумел сказать.

– Я подумала: каким образом Оноре Парни мог быть связан с Жозефом Рошаром? Проще всего было спросить об этом у жены убитого.

– И что она вам сказала?

– Она все отрицала. Однако я поняла, что она лжет. Она напряглась, услышав это имя. Видите, как она разорвала мою карточку? На множество мелких кусков, с большим ожесточением... Мой визит оказался для нее крайне неприятным, потому что я спросила ее о том, о чем она, скорее всего, не хотела вспоминать.

– Почему вы не обратились ко мне?

– А что именно я могла вам сказать? Я увидела фото в общедоступной газете, только и всего. Мадам Рошар все отрицала. Я ей не поверила, но какие доказательства у меня были? Выражение ее лица, интонации голоса? Это не улики.

В комнате наступило молчание.

– С ней что-то произошло? – наконец спросила Амалия.

– Да. Ей проломили голову. Тело нашла служанка и сразу же вызвала нас.

– Сюзанна?

– Вы даже имя ее запомнили? Да, это она.

И он добавил, поднимаясь с места:

– Я бы хотел, чтобы вы поехали со мной.

– Вы собираетесь меня задержать? – на всякий случай спросила Амалия.

– Нет. Я бы хотел, чтобы вы взглянули на место преступления. Вы там были вчера, может быть, вам удалось запомнить или заметить что-то ценное.

– Хорошо. У вас нет никаких соображений, какая связь была между Оноре Парни и Рошаром?

– Я только вчера вечером узнал о Парни. То есть...

Он покраснел, сердясь на себя.

– Кто-то подслушал мой разговор с вдовой, – заметила Амалия в пространство. – Так?

Инспектор исподлобья покосился на нее, изо всех сил стараясь сохранить достоинство, и неожиданно Амалии стало смешно.

– Скажите, Анри, только честно: сколько вам лет?

– Двадцать два.

– И сколько убийств вы уже расследовали?

– Дюжину, может, больше, – вздохнул молодой человек. – Но там все было более-менее ясно. А тут я ничего не понимаю.

– Вы на машине?

– Да.

– Тогда едем.

Через несколько минут они уже были возле «Плюща». Стоявший у дверей полицейский пропустил инспектора, с любопытством покосившись на Амалию.

– Сюда...

Кот сверкнул на лестнице желтыми глазами и пропал. Амалия и инспектор Лемье вошли в гостиную. Первое, что увидела Амалия, была надпись алыми буквами на зеркале:

«Номер четыре».

И более ничего. Осмотревшись, Амалия заметила, что дверь забрызгана кровью.

– Ее убили здесь?

– Да. Она пыталась отползти, в коридоре он настиг ее и ударил еще несколько раз.

– Он?

– Убийца.

– Орудие?

– Доктор сказал, скорее всего, кастет.

– Когда это случилось?

– Около пяти утра. Убийца выждал момент, разбил окно и забрался в дом. На жертве была ночная сорочка, предположительно мадам Рошар поднялась с постели, услышав шум. Он ударил ее здесь, потом настиг и ударил снова, на сей раз удар оказался смертельным.

– Свидетели есть?

– Старик Белье говорит, что видел неподалеку какую-то машину.

– В пять утра?

– У него бессонница.

– Что еще он сказал?

– В машине был один человек.

– Мужчина?

– Он говорит, что да.
– Приметы?
– Он не обратил на него внимания. Кроме того, тот двигался, избегая освещенных мест, а на этой улице горят всего два фонаря...

– Понятно. А что с машиной?
– Темная машина, марку он не знает, номер не заметил. Она тоже стояла вдали от фонарей.

Амалия вздохнула и, подойдя к зеркалу, принялась рассматривать надпись.

– Похоже на помаду, – заметила она.

– Это и есть помада.

– Откуда?

– Простите? – удивился инспектор.

– Я хочу сказать, мадам Рошар была не той женщиной, которая станет использовать помаду такого цвета, – пояснила Амалия. – Так откуда эта помада?

Инспектор поглядел на Амалию, хмурясь, затем быстро вышел. Баронесса Корф еще раз поглядела на надпись и недовольно покачала головой.

Итак, номер один – неизвестен, номер два – Оноре Парни, номер три – Жозеф Рошар и четыре – его жена.

Кто же был номером первым? И главное, мрачно помыслила Амалия, кто станет пятым?

Анри Лемье вернулся и тщательно притворил за собой дверь.

– Я расспросил Сюзанну. Она приходящая прислуга, но держит в доме кое-что из мелких вещей. Так вот, таким цветом помады она не пользуется. Насчет хозяйки вы тоже оказались правы – она вообще не использовала косметику.

– Итак, мы имеем мужчину, приехавшего на автомобиле. Он старательно избегал освещенных мест, залез в окно и убил мадам Рошар – всего через день после того, как был застрелен Жозеф Рошар. Кстати, тот был убит на дороге.

– Я помню, – кивнул инспектор. – Похоже, наш автомобилист времени даром не теряет.

– Мало того, убийца не поленился принести с собой красную помаду и оставить на зеркале известную нам надпись.

– Сумасшедший? – без особого энтузиазма предположил Анри.

– Не думаю, – медленно ответила Амалия. – Между несчастным случаем номер два и убийством номер три прошел месяц. Третье и четвертое убийство сразу же следуют друг за другом...

– А не могла ли смерть Оноре Парни тоже быть убийством? – внезапно спросил инспектор.

– Не знаю. Теоретически – да, но, чтобы узнать это, надо ехать в Париж. Однако меня беспокоит быстрота, с которой были убиты друг за другом супруги Рошар. – Амалия поморщилась. – Скажите, кто еще, кроме вас, мог знать, о чем я говорила с вдовой?

– Думаете, ее убили из-за того, что она не пожелала вам сообщить?

– Я не исключаю, что кто-то узнал содержание нашей с ней беседы. Так как, инспектор?

– Мне сказал о Парни Габриэль Форэ, – сдался Анри.

– Репортер? Кому еще он мог сказать об этом?

– Я полагаю, всей Ницце, – проворчал инспектор. – Любому, кто пожелал бы слушать. Хотя сам он, конечно, будет все отрицать.

– Не исключено, что это и было причиной смерти мадам Рошар, – сухо заметила Амалия. – Кстати, не забудьте занести в реестр примет убийцы, что он среднего роста. Где-нибудь 170 сантиметров.

– Потому что человек обычно пишет на уровне своих глаз? – улыбнулся инспектор. – Вы сделали этот вывод на основании высоты надписи?

– Вот видите, инспектор, – сказала Амалия. – Мы мыслим в одном и том же направлении. Рошары были богаты?

– По местным меркам – скорее да, чем нет.

– После них все унаследует сын?

– Полагаю, что да. Детали можно уточнить у нотариуса.

– Конечно, вряд ли это убийство из-за наследства, но лучше всегда все проверять...

Сюзанна уже осмотрела вещи? Ничего не пропало?

– По ее словам, ничего.

Амалия огляделась. Взгляд ее упал на маленький столик.

– Вы что-то заметили?

– Когда я была здесь вчера, на углу стола лежало несколько писем. Теперь их нет.

Инспектор Лемье не стал тратить время на дискуссии о том, могут ли письма быть важными или нет, а просто вышел, чтобы поговорить с Сюзанной. Через минуту он вернулся вместе со служанкой. Та была бледна и избегала смотреть в ту сторону, где на двери застыли кровавые брызги.

– Повторите госпоже баронессе то, что вы мне только что сказали, Сюзанна.

– Ну, что... – пробормотала служанка. – Вчера мадам получила почту... Газета, четыре конверта... одно от сына, два от поставщиков...

– Откуда вы знаете?

– Так как же мне не знать почерк ее сына, – обиделась Сюзанна, – я же давно у нее работаю... А про поставщиков она мне сама сказала.

– А четвертое письмо?

Сюзанна боязливо взглянула на Амалию.

– Я не знаю, сударыня... Она как его прочитала, так переменялась в лице.

– Это было уже после моего ухода?

– Да... С утра ее вызвали в полицию, потом она стала искать себе черное платье... не до писем ей было. Потом она вспомнила о них...

– Нам нужно это письмо, Сюзанна, – вмешался Анри. – Где оно может быть?

– Кажется, она унесла все письма в спальню...

Инспектор, баронесса Корф и Сюзанна переместились в спальню. Машинально Амалия отметила, что здесь было куда меньше фотографий супругов и гораздо больше – карточек их сына. Однако, хотя Лемье и обыскал все самым тщательным образом, были найдены только три письма. Четвертое и самое важное из них как сквозь землю провалилось.

– Как оно выглядело, это письмо? – допытывалась баронесса.

– Мне сначала показалось, что оно тоже от поставщиков... Адрес был напечатан на машинке.

– А конверт?

– Обычный конверт, ничего особенного...

– Чья это пепельница? – внезапно спросила Амалия, кивая на пепельницу, стоявшую на столике возле изголовья.

– Месье Рошара...

– Вчера он курить не мог... В ней пепел, который образовался совсем недавно.

Анри с возгласом изумления повернулся к пепельнице.

– Как же я не подумал...

Он стал хлопать себя по карманам и наконец извлек откуда-то маленький пинцет.

– Что-нибудь сохранилось? – спросила Амалия, подходя ближе.

Анри, наморщив лоб, сосредоточенно ковырялся в пепле.

– Вот... Краешек конверта...

– А это, по-моему, уже не конверт...

Рассортировав пепел, Анри тщательно осмотрел те кусочки, которые пощадил огонь.

– Напечатано на машинке... «Скажите»... нет... «скажете...» «Лил» с большой буквы... «прис»... Больше ничего прочесть нельзя.

Амалия оглянулась на Сюзанну.

– Это вряд ли нам что-то даст... Скажите, Сюзанна, ваша хозяйка... как по-вашему, она сильно испугалась, прочитав это письмо?

– Я бы не сказала, что она испугалась, – ответила молодая женщина, подумав. – Мне показалось, что она была... поражена, что ли... Неприятно поражена. Словно получила письмо от призрака... или что-то вроде того.

– Скажите, вы давно знали Рошаров?

– Ну... прилично...

– Сколько лет вы у них работаете?

– С 1916-го... Шесть лет. А что?

– Они местные уроженцы?

– Нет. Они приехали откуда-то из Турени, кажется... Купили кафе...

– В 1916 году? Шла война, это не самое лучшее время для покупок. У них было много денег?

– Мне они не отчитывались, но, я так полагаю, достаточно.

Она оглянулась на молчащего инспектора, словно спрашивая его, имеет ли право посторонняя дама в его присутствии задавать ей вопросы. Но Анри Лемье держался так, словно все происходящее было в порядке вещей.

– Они не упоминали, откуда у них деньги?

– Конечно, упоминали... Мадам получила наследство после смерти своих родителей.

– А что с ними случилось?

– Что могло с ними случиться? Шла война, они погибли, наверное.

– То есть определенно вы ничего не знаете, – спокойно подытожила Амалия. – Можете идти, Сюзанна, если у инспектора больше нет к вам вопросов.

– У меня нет, – ответил Анри, и Сюзанна удалилась шаркающей походкой, всем своим видом выражая недовольство.

Когда она вышла, Лемье приотворил дверь и смотрел, как она удаляется. Затем он закрыл дверь и привалился к ней плечом.

– Вы когда-нибудь работали в полиции? – внезапно спросил он.

– Нет. Я, скажем так, дилетантка. Но кое-какой опыт у меня есть.

– Это я дилетант, – вздохнул инспектор. – Итак, во время войны Рошары появляются здесь с приличной суммой денег и покупают кафе. Через несколько лет мужа убивают, по почте приходит странное письмо, а затем убивают жену. Есть, кроме того, этот владелец мюзик-холла, который как-то был с ними связан и о котором мадам Рошар не желала говорить. Возможно, в прошлом существует некая тайна, которая связывала Рошаров с Парни. Не исключено, что благодаря этой тайне Жозеф и Савини сумели обзавестись деньгами, а разговоры о наследстве были только для отвода глаз. Я ничего не упустил?

– Ничего. Постарайтесь навести справки о Рошарах. Кем они были до 1916 года, где жили, откуда у них появились деньги, правда ли, что это наследство, или нет. Что могло их связывать с Оноре Парни, нет ли в смерти Парни чего-либо подозрительного, и так далее. Кроме того, желательно вычислить номер первый. Проверьте, не было ли в окружении Парни странных несчастных случаев или убийств. Один раз мне повезло, потому что в кадр попало то, что нам требуется, но не стоит ожидать, что так везти будет всегда. Вам придется серьезно поработать, инспектор Лемье, и, боюсь, это та область, где я уже никак не смогу вам помочь.

– Однако я буду держать вас в курсе расследования, – заметил молодой инспектор, и его глаза блеснули.

– Это сколько угодно, сударь, – ответила Амалия. – Тут я всегда к вашим услугам.

* * *

Четырнадцать человечков стояли на полке. В соседней комнате, разговаривая сам с собой, бродил, бормотал и жестикулировал человек. Странный, одержимый человек, который сотворил этих человечков – и, собственно говоря, заварил всю кашу.

Наконец он перешагнул порог, но споткнулся обо что-то и едва не упал.

– А, черт поberi...

Он зажгел свет и, дергая щекой, стал искать на полке человечка, на спине которого было написано: «Савини Рошар».

Страдальчески морщась, он отрезал человечку голову, бросил его в кучу казненных фигурок и оглядел оставшиеся.

– Было семнадцать, минус четыре, – хихикнул он. – Значит, тринадцать?

Лицо его передернуло гримаса гнева.

– И кто же теперь покинет их первым, а?

Он обхватил ладонями виски, словно у него невыносимо болела голова, и, шатаясь, побрел прочь из комнаты.

Глава 4

Загадочное самоубийство

– Я навела кое-какие справки об этом инспекторе, который ведет дело, – сказала Ксения на следующее утро.

– Анри Лемье? И кто же тебе о нем рассказал?

– Сестра Анна из местного монастыря. Она возглавляет монахинь, которые помогают нам ухаживать за больными и ранеными.

– Не сомневаюсь, что она предоставила тебе самые точные сведения, – заметила Амалия с улыбкой.

– Не думаю, что это плохо. Итак, наш инспектор родом из Авиньона. В Ниццу он переехал из-за слабых легких. В Авиньоне в полиции прослужил полтора года или около того, вел мелкие дела и заполнял разные бумаги.

– Вот как?

– Да, но в принципе у начальства он был на хорошем счету. В Ницце он находится с начала года. Раскрыл несколько убийств, которые, судя по всему, не представляли особой сложности.

– То есть в общей сложности он меньше двух лет в полиции и уже инспектор?

– Да, но вовсе не за какие-то особые заслуги. Дело в том, что он отыскал потерявшуюся собачку любовницы мэра. Любовница была счастлива заполучить своего Коко обратно, и благодаря своей находке Лемье стал инспектором.

– Передай мне сахар, пожалуйста... Спасибо. Значит, по-твоему, на Лемье рассчитывать нечего?

– Если речь действительно идет о чередке убийств, совершаемых с непонятной целью, то – нет. Мы же все-таки не о пропавшей собачке говорим...

– Все зависит от того, насколько он честлюбив, – сказала Амалия. – Вряд ли он желает остановиться на чине инспектора. Впрочем, мы в любом случае договорились действовать совместно.

– То есть ты раскроешь дело, а его произведут в комиссары?

– Сидя на одном месте и читая газеты, дело не раскрыть, – парировала Амалия. – Нужны власть, знания и возможности, которых у меня нет, зато они есть у полиции. Разумеется, я буду давать советы, в каком направлении вести поиски. И, разумеется, в конечном итоге, если убийца будет найден, все лавры достанутся инспектору. Меня это более чем устраивает, потому что для меня самое главное – чтобы этот инцидент не использовали против нас.

Однако вскоре выяснилось, что Ксения недооценивала молодого инспектора. На следующий день он явился на виллу и попросил у Амалии аудиенцию, которую тотчас же получил.

– Я опросил знакомых Рошаров, – начал Анри, едва сев по приглашению хозяйки. – У них сложилось впечатление, что хозяин кафе и его жена не слишком любили распространяться о своей жизни до войны. Впрочем, жене булочника мадам Рошар как-то проговорилась, что находилась в услужении в каком-то замке, где ее муж был дворецким.

– Значит, кое-что уже вырисовывается, – заметила Амалия. – Замок, муж – дворецкий, жена – прислуга... Хотелось бы узнать кое-какие подробности, к примеру, название этого замка.

– Мадам Рошар его не упоминала.

– Вы смотрели их семейные фотографии? Может быть, на какой-нибудь из них запечатлен замок, который нам нужен?

– Я обыскал весь дом, но почти все фотографии сделаны в ателье уже много лет тому назад. Впрочем, одно фото супругов в одежде прислуги я все же нашел.

И в подтверждение своих слов он вытащил карточку и положил ее на стол.

– К сожалению, здесь виден только вход в замок, дорожка и часть стены, увитая плющом. И в кадре, так же, как и на обороте, нет никаких надписей или иных примет, которые позволили бы точно определить, где именно сделано фото.

– Досадно, – вздохнула Амалия, разглядывая снимок. – Но уже то, что до кафе эти двое были слугами, многое нам дает. К примеру, они могли служить у Оноре Парни. Кстати, у него осталась жена или дети, у которых можно навести справки по этому поводу?

– Парни не был женат, и детей у него не было. По крайней мере, официально.

– Это осложняет дело...

– Согласен. Тем не менее я все же послал запрос в парижскую префектуру, нет ли каких-либо признаков того, что Оноре Парни мог погибнуть не своей смертью.

– Этого недостаточно. Нужно узнать, где и когда он пересекался с супругами Рошар. Кстати, они действительно получили наследство в 1916 году?

– Я как раз уточняю этот момент, но так как наследство было получено не в Ницце – если оно вообще имело место, – наведение справок может занять некоторое время.

– Больше вам ничего узнать не удалось?

– Нет. Но мне кажется, что я нащупал связь между Рошарами и Парни.

– Мсье Лемье, с этого и надо было начинать!

– Я не совсем уверен, что я прав, но... Словом, я решил пойти вашим путем.

– Простите?

– Я решил просмотреть газеты за 1916 год и поискать, где в них фигурирует фамилия Рошар. Понимаете, – доверительно прибавил Лемье, – меня не оставляет ощущение, что за происходящим стоит какая-то темная история, а раз так, не исключено, что она могла отразиться в газетах. Полицейские архивы Ниццы мне ничего не дали, ну и... я вспомнил о вашем методе.

– И?

– Я просмотрел уйму газет за 1916 год, но ничего не нашел. Тогда я подумал, что надо расширить круг поисков, и стал изучать прессу за 1915 год.

Он достал блокнот, бросив на Амалию взгляд, которым ученики, ожидающие поощрения, смотрят на учителя, который их кое-чему научил, и это не могло ей не польстить.

– Так что вы нашли, Анри?

– Я сделал все необходимые выписки... нет, это дело о краже шелка из лавки... – он говорил, нетерпеливо листая страницы. – Вот. «Похороны Лили Понс состоялись 27 декабря на местном кладбище, в отсутствие священника. Присутствовали ее слуги, шофер, раненые, которые нашли приют в замке, где жила певица. Трогательную речь произнес ее дворецкий Жерар Рошар, вспоминая добрые качества умершей...» и далее: «Одной из присутствующих, мадам Савини, стало дурно. Франция никогда не забудет чудесный голос...» ну, дальше уже не слишком интересно, сплошные штампы.

– Кажется, я слышала это имя, – заметила Амалия. – Лили Понс была довольно известной певицей, хотя... – Она нахмурилась. – Что значит это многозначительное – «в отсутствие священника»?

– Она покончила с собой в ночь на Рождество. Застрелилась. – И Анри пустился в объяснения: – Мы все знаем, что журналисты нередко грешат неточностями. Он принял имя мадам Рошар – Савини – за ее фамилию, а Жозефа Рошара окрестил Жераром, возможно, из-за рифмы. Кроме того, Лили Понс покончила с собой в замке, расположенном в Турени, а ведь Рошары приехали как раз оттуда... Все сходится.

– А Оноре Парни? Он ведь был владельцем мюзик-холла... Стоп, уж не выступала ли она в этом мюзик-холле?

– Да, и с большим успехом. Я нашел подтверждение этому в газетах... Одно время он был ее импресарио. Кроме того, за несколько дней до самоубийства Лили Понс он приехал к ней в гости.

– Откуда вам это известно?

– Я нашел в библиотеке региональную газету, где с гордостью упоминается, как Лили Понс сняла в их краях замок, чтобы быть подальше от войны, но при этом разрешила разместить в нем нескольких раненых. В десятых-двадцатых числах декабря к ней приехали гости, в числе которых названы прежде всего Оноре Парни, затем «родственники ее мужа» без имен, во множественном числе, и адвокат Сезар Гийо. Возможно, были и другие приглашенные, но в заметке они не отразились. 26-го числа та же газета вышла с сообщением, что Лили Понс покончила с собой, выстрелив себе в висок.

– 26-го? Почему, если она умерла в ночь на 25 декабря? Тогда весть о ее самоубийстве должна была попасть в выпуск 25-го числа. Я не права?

– Так или иначе, газеты – не только «Вся Турень» – сообщили о самоубийстве только 26-го. Возможно, решили сначала, что это утка... или не хотели портить измученным войной людям рождественский праздник.

– Тем не менее такая отсрочка представляется довольно странной, – сухо заметила Амалия. – Почему она застрелилась?

– Она была замужем за преуспевающим промышленником, у них недавно родился сын. Муж и сын погибли, когда Париж бомбили немцы.

– А Лили Понс?

– Она давала концерт в каком-то театре, превращенном в бомбоубежище. Благодаря этому она осталась жива.

– Значит, она очень переживала гибель своих родных?

– Получается, что да, если она покончила с собой.

– А если нет?

Анри распрямился в кресле и недоверчиво покосился на Амалию.

– Судите сами, – продолжала Амалия, – она уехала из Парижа, сняла замок, на Рождество к ней приехали гости...

– Один из очевидцев, не называя себя, сказал, что Лили выглядела очень подавленной, часто плакала, и они ни капли не удивились, когда все закончилось трагедией.

– Погодите, Анри, давайте разберем факты по порядку. Ее хоронят двадцать седьмого числа, и кто приходит на ее похороны? Журналист, который не слишком хорошо запомнил имена, тем не менее должен был довольствоваться только дворецким, его женой и ранеными. Понимаете, куда я веду?

Анри нахмурился.

– Вы хотите сказать, почему никто из гостей не явился на похороны?

– Вот именно. Если это было только самоубийство, произошедшее по трагической, но вполне понятной причине, почему никто не пришел проводить Лили Понс в последний путь? Почему все они бежали, причем все – и родственники мужа, и адвокат, и владелец «Альгамбры», которому Лили Понс наверняка в свое время принесла кучу денег? Нет, тут что-то не так.

– Может быть, журналист и тут оказался неточен? – без особого энтузиазма предположил Анри. – Хотя нет, наверное, вы правы. Он не стал бы обращать внимание на какого-то дворецкого, если бы на похоронах оказались фигуры покрупнее.

– Кроме того, – добавила Амалия, – не забывайте, что Лили Понс умирает в самом конце 1915-го, а в 1916-м чета Рошар с деньгами объявляется в Ницце и покупает здесь кафе. Кстати, слуги часто мечтают о том, чтобы открыть свое дело, какое-нибудь небольшое заведение, чтобы

зависеть только от себя. Получается, смерть Лили Понс каким-то образом их обогатила... если только они не получили деньги по ее завещанию.

– Не думаю. Судя по всему, она знала их всего несколько недель. К чему ей упоминать в завещании людей, которые были ей мало знакомы?

– Тем не менее все это хорошо бы проверить, – заявила Амалия. – Самым тщательным образом. Во-первых, вы сказали, что муж певицы был промышленником, и он погиб. Что именно она унаследовала от него? Кому завещала? Во-вторых, в каком настроении она была в последние дни? Откуда взялся револьвер? Мы вправе задать такой вопрос, потому что женщины все-таки стреляются редко, это скорее мужское оружие. В-третьих, свидетели самоубийства, неназванные родственники мужа, возможно, другие лица – ведь вокруг актеров и певцов всегда вертится много людей. Кто они, кто были раненые, оказавшиеся в замке, остальные слуги – ведь в заметке упоминается и шофер? Вероятно, разумнее всего было бы начать с Сезара Гийо, адвоката. Конечно, если он живет в Париже, у вас могут возникнуть сложности с допросом, но ведь телефоны никто не отменял.

– Он не живет в Париже.

– А где?

– К сожалению, он вообще нигде не живет. – Инспектор поморщился. – Дело в том, что в марте этого года он утонул в ванне.

Глава 5

Номер один

– Это дело, – медленно проговорила Амалия, – начинает казаться все более и более интересным. Если в марте погиб Гийо, в апреле сгорел Оноре Парни, а в мае убиты супруги Рошар... и все они каким-то образом связаны с самоубийством Лили Понс... а тут еще эти номера...

– По-вашему, Гийо был номером первым?

– Не исключено. Скажите, как полиция квалифицировала его смерть?

– Никак. Для них это был несчастный случай.

– А если это вовсе не несчастный случай, а убийство? – Амалия нахмурилась, постукивая пальцами по подлокотнику своего кресла. – Но у нас нет никаких оснований ставить вопрос таким образом... я хочу сказать, формальных оснований. Мы можем только говорить, что, возможно, Гийо был убит... и Парни погиб не своей смертью... только на том основании, что они были гостями Лили Понс, а Рошары, скорее всего, работали у нее в момент самоубийства певицы. На данный момент у нас слишком много предположений.

– Однако убийство Рошаров – вовсе не предположение, а факт, – сухо возразил инспектор. – И листок с номером, который вы видели, тоже факт.

– И который таинственным образом исчез, – усмехнулась Амалия.

– Но надпись на зеркале вовсе не исчезла, – упорствовал ее собеседник. – Кроме того, перед смертью мадам Рошар получила странное письмо, которое не на шутку ее встревожило. Скажу вам правду, госпожа баронесса: я вовсе не хочу оказаться в положении человека, на которого обрушатся все упреки, если он не сумеет раскрыть это дело. А то, что происходит, мне крайне не по душе.

– Однако, несмотря на все препятствия, вам уже удалось многого добиться, – возразила Амалия. – Не исключено, что вы нашли номер первый и отправную точку, то, с чего все началось. В гибели Лили Понс явно есть что-то странное. Вот с нее и надо начать.

– Не знаю, что там может быть странного, – проворчал инспектор. – Насколько мне удалось понять, все свидетели показали, что это самоубийство. Наверняка было соответствующее заключение доктора, раз ни у кого не возникло даже тени сомнения. Кроме того, все сходятся в том, что Лили была подавлена после смерти своих близких, особенно ребенка. Понимаете, если бы было хоть что-то, оно бы непременно всплыло. В конце концов, Лили Понс была в то время очень знаменита, и смерть таких людей не проходит незамеченной.

– Револьвер, мой дорогой мсье Лемье, револьвер, – напомнила Амалия. – Вам удалось выяснить, откуда он взялся?

– Насколько я понял, он был в доме, как и ружья, и другое оружие. А что?

– Ну, это еще надо проверить. Нет, чем дальше, тем отчетливее я вижу, что без расследования на месте нам не обойтись.

– Вы имеете в виду замок Поршер?

– Он так называется?

– Да. Только мои полномочия ограничены Приморскими Альпами¹. Я могу, конечно, посылать запросы, если этого требует здешнее дело, но если вы настаиваете на полном расследовании...

– Боюсь, что именно это нам и предстоит. – Амалия написала на листке бумаги несколько слов и задумалась. – Скажите, вам ничего не кажется странным?

¹ То есть департаментом (по-нашему – областью), к которому относится город Ницца.

– Все, – честно ответил Лемье.

– Я имела в виду вот это. – И Амалия передала ему листок.

На нем было написано:

«№ 1 – адвокат.

№ 2 – владелец мюзик-холла.

№ 3 – дворецкий.

№ 4 – его жена».

– Почему он начал с адвоката? – спросила Амалия. – И это еще не все. Если мы правы и это и есть последовательность убийств, отчего преступник вначале так заботится о том, чтобы замаскировать убийства под несчастный случай, а затем начинает действовать напролом?

– Зачем вообще убивать людей, которые находились в каком-то доме в момент самоубийства хозяйки? – возразил инспектор. – Что это дает?

– Ну, допустим, некто убил Лили Понс, а кто-то догадался об этом и стал шантажировать преступника. Убийца точно не знает, кто это, и убивает наиболее подходящих кандидатов на роль шантажиста. Это только одна из возможностей, но она нуждается в проверке. Так что без поездки в Турень нам все-таки не обойтись... Скажите, кто ваш начальник?

– Комиссар Оливьери.

– Он не согласится отпустить вас на несколько дней?

– Не думаю. Комиссар – итальянец, – пояснил Анри. – Он с легкостью отпускает меня на два-три дня, чтобы я мог навестить маму в Авиньоне, но ему не понравится, если я стану тратить это время на что-то еще. Кроме того, в последнее время я уже несколько раз навещал маму, и у него могут возникнуть вопросы, если я пожелаю... ну... соврать ему.

Амалия вздохнула.

– Сплошные сложности... Если бы дела не требовали моего присутствия здесь, я бы сама отправилась в Турень. Но...

– Думаете, мы именно там найдем разгадку?

– Даже больше: я в этом уверена.

Анри исподлобья покосился на нее.

– Я вижу, вы что-то надумали? – спросила Амалия.

– Да так, – уклончиво ответил инспектор. – Если речь идет о расследовании, нам требуется человек, на вопросы которого люди не откажутся отвечать. Кроме полицейских, есть только одна категория, чье любопытство не вызовет ненужных подозрений. Я имею в виду журналистов.

– Нет, – решительно сказала Амалия, – это исключено.

– Почему? Если ни вы, ни я не можем покинуть Ниццу... Может быть, стоит посвятить в дело Габриэля Форе? Я разговаривал с ним, он вроде неплохой малый, и к тому же сообразительный. Если он согласится нам помочь...

– Он журналист, – отозвалась Амалия, – и если мы расскажем ему, в чем дело, он напишет в своей газете такого, что волосы станут дыбом. И, поверьте, не только у меня!

– Думаю, я сумею убедить его не торопиться с изданием статьи, пока идет расследование, – заметил Анри. – Он вовсе не глуп и отлично понимает, что прежде всего нужны непреложные факты, не то можно нарваться на какой-нибудь разорительный процесс. А что касается умения выведать все, что можно, то тут он даст сто очков вперед любому полицейскому.

Амалия задумалась. Габриэль Форе был ей не слишком симпатичен, но инспектор Лемье был прав: если направить энергию этого неумного малого в нужное русло, не исключено, что он действительно сумеет найти что-нибудь полезное.

– Вы можете послать запрос в Париж по поводу смерти Гийо?

– Я уже это сделал.

Амалия одобрительно кивнула.

– Если Форе будет проводить для нас расследование, ему нужен убедительный предлог, – заявила она. – Репортер из Ниццы не может просто так сорваться с места и помчаться в Турень только потому, что там кто-то когда-то покончил с собой. Лили Понс когда-нибудь пела в Ницце? Она как-нибудь связана с этим городом?

– Подождите-ка... – Инспектор вновь открыл блокнот и стал листать записи. – Нет, никаких гастролей я не помню. Хотя... постойте-ка! Она тут родилась!

– Вот вам и предлог, – подытожила Амалия. – Итак, Габриэль Форе будет искать для газеты материал о местной уроженке. Ее хоть кто-нибудь сейчас помнит?

– Простите?

– Обычно, когда знаменитая актриса или певица умирает, все говорят, что ее никогда не забудут, но на самом деле обычно происходит обратное. Так что там с Лили Понс?

– Э... – в замешательстве пробормотал Анри, – конечно, у нее уже нет былой славы... Но я видел ее пластинки, и кое-какие из ее песен теперь поет Мистингетт².

– Ее песен? Она сама их сочиняла?

– Насколько я понял, да. И музыку, и тексты.

– То есть в конечном итоге любопытство Форе не должно возбудить подозрений. – Амалия подалась вперед. – Скажите мне, только честно. Вы уверены, что сможете держать его под контролем? Потому что, если он начнет выдавать в прессе наши предположения, да еще разукрасит их своими фантазиями, это принесет колоссальный вред – и мне, и вам, а особенно расследованию.

– Полагаю, я смогу убедить Габриэля не преступать вашей воли, сударыня, – с улыбкой ответил Анри. – Так мы договорились?

– Считайте, что да. Если он согласится, приводите его ко мне. Я дам ему подробные инструкции и объясню, что именно нас интересует.

Вечером Анри Лемье пришел в «Сирену» и, отведя Габриэля в сторону, спросил, не откажется ли тот оказать кое-какую помощь и съездить в одно место, чтобы навести справки.

– И что я получу взамен? – деловито осведомился юный репортер.

– Возможно, сенсацию.

– Настоящую, девятьсот девяносто девятой пробы? На меньшее я не соглашусь.

– Хорошо трепаться, – буркнул Анри. – Есть вероятность, что убийство Рошаров связано с одним темным происшествием. Я не могу вести расследование, так как дело давно закрыто и к тому же случилось не в моем департаменте. Но тебе никто не мешает прокатиться куда надо и на месте выяснить подробности.

– Что за дело, убийство?

– Формально это было самоубийство. А так – черт его знает.

Габриэль прищурился.

– Держу пари, это не ты до него докопался, – объявил он. – Это баронесса подала тебе мысль?

– Нет.

– Но ты даже не слышал об Оноре Парни, пока я тебе о нем не проболтался, – покачал головой репортер. – Кого ты пытаешься надуть?

– Будет тебе, Габриэль... Не нужна сенсация – так и скажи. Ты вроде упоминал в прошлый раз, что хотел бы перебраться в Париж. Конечно, проще всего это сделать, когда пишешь о раздавленных собаках и ткани, украденной из лавки.

– Остер, остер, – проворчал юноша в ответ. – Ты же сам вроде как расследуешь, кто стащил этот чертов шелк. Или я не прав? – Он увидел, как сверкнули глаза Анри, и резко сменил тему: – Куда мне надо будет поехать?

² Знаменитая французская эстрадная певица тех лет.

– В Турень.

– Не ближний свет.

– А никто и не обещал легкой прогулки. Только одно условие: ничего не публиковать, пока расследование не будет закончено.

– И что я с этого буду иметь, кроме будущей сенсации, которая вполне может обернуться пшиком?

– А что ты хочешь? Назначай свои условия.

– Условия? Пожалуйста. Во-первых, твои чертовы коллеги не пустили меня в дом старухи Рошар.

– И что?

– То, что я жажду сделать фото зеркала в гостиной, на котором, если Сюзанна не врет, красуется весьма примечательная надпись... с номером.

– Хорошо, я пущу тебя в дом. Что еще?

– Мне надо направлять интерес публики в какую-то определенную сторону. Люди терпеть не могут, когда им сулят дело с романтической подкладкой, а потом выясняется, что кто-то кого-то пришил из-за денег. – Габриэль прищурился. – Я не прошу тебя раскрыть все секреты, но в каком ключе мне вести рассказ о Рошарах?

– Возможно, шантаж. Но это только предположение.

– А номера при чем? Тут замешан какой-то псих?

– Пока не очень понятно. Я же говорю, надо прояснить обстоятельства старого дела.

– Ладно. А как быть с сегодняшним убийством? Комиссар сказал, что ты им тоже занимаешься.

Анри не сразу вспомнил, что сегодня был обнаружен труп мадам Ферран, жены учителя биологии, и почтенный комиссар Оливьери, который не выносил вида крови, с готовностью свалил это дело на своего подчиненного.

– Оно никак не связано с Рошарами. И я еще толком не приступил к расследованию.

– Но у тебя уже есть подозрения, кто зарезал беднягу?

– Пока нет. Я жду отчет врача.

– Как ты вообще это делаешь? – с любопытством спросил Габриэль.

– Что – это?

– Ведешь следствие?

– А! Собираю улики, опрашиваю свидетелей. Самое главное – понять мотив, а дальше все идет как по маслу.

Он не стал говорить, что часто, даже слишком часто он полагался на свою интуицию. Иногда ему стоило перекинуться с кем-нибудь всего лишь парой слов, и он сразу видел: вот он, убийца. В деле с женой учителя еще ничего не было ясно, а Лемье уже совершенно был убежден, что ее убил собственный муж.

– Значит, мне придется тоже собирать улики и опрашивать свидетелей? – Габриэль хохотнул. – Занятно будет почувствовать себя полицейским. – Он подался вперед и доверительно взял инспектора за рукав. Лемье, не выносивший фамильярности, поморщился. – Только скажи мне честно, старик. Овчинка стоит выделки?

– Будь уверен, – ответил Анри.

– Тогда я в деле, – бодро заключил Габриэль. – Когда мне надо будет приступать?

Глава 6

Месье Ферран

В ту ночь к Амалии вернулся один из ее старых кошмаров – из тех времен, когда два сына воевали, дочь находилась неизвестно где и в любую минуту баронесса могла получить известие об их гибели. Ей снился не то лес, не то высокая, неопределенного цвета стена, потом звучали вспышки выстрелов, и она видела, как один из ее сыновей (чаще всего это был Михаил) падал в яму, которая каким-то образом возникла возле стены. И хотя во сне Амалия видела, что он еще жив и дышит, кто-то начинал заваливать его, и на его лицо со вздрагивающими веками сыпались комья земли.

Она проснулась со сдавленным стоном и долго, долго лежала, прислушиваясь к воркотне сверчков в саду. Вновь ей удалось задремать только под утро.

В отличие от нее Анри Лемье полночи не спал, но по совершенно другой причине. Инспектора очень тревожило двойное убийство супругов Рошар, случившееся на его территории. Он приложил немало усилий, чтобы узнать об убийце хоть что-нибудь, что поможет выйти на его след, и был крайне раздосадован, что ему не удалось преуспеть в этом. Его гордость была задета. К тому же злосчастное убийство мадам Ферран, случившееся так некстати, спутало ему карты. Во что бы то ни стало надо было поскорее развязаться с ним, чтобы полностью сосредоточиться на деле Рошаров.

Когда Анри утром приехал в полицейское управление, отчет доктора Марли лежал у него на столе. Инспектор внимательно прочитал его и снял трубку с аппарата.

– Алло, мсье Марли, это инспектор Лемье... Я правильно понял, что первый удар оказался смертельным, а остальные наносились как попало уже мертвой?

– Вы абсолютно правы.

– Получается, что убийца – профессионал, который хотел выдать себя за любителя?

– Это уже ваше дело – заниматься выводами и выстраивать теории, – довольно сухо ответил доктор. – Лично я готов ручаться только за то, что первый удар, нанесенный прямо в сердце, оказался смертельным. Если вы не в курсе, в сердце не так просто попасть, потому что его защищают ребра, но тут мы имеем дело именно с таким точным ударом.

– Благодарю вас, доктор, – промолвил Лемье и повесил трубку.

Вслед за тем он отправился к комиссару Оливьери. Этот добродушный, плешивый, полноватый господин считал себя мучеником своей профессии и по мере возможностей сваливал на подчиненных свои обязанности, оставляя себе только заполнение самых важных бумаг и общение с начальством. По-настоящему хорошо он чувствовал себя только на кухне, куда не пускал ни кухарку, ни жену. Он постоянно стряпал какие-то умопомрачительные соусы и уважал Дюма вовсе не за его бессмертные романы, а за поваренную книгу, первую, которая попала когда-то в детстве будущему комиссару и развила в нем страсть к кулинарии.

– А, Анри! Заходи, заходи! Что это ты чернее тучи, дружок?

Анри слегка поморщился от фамильярности комиссара и сказал, что ему нужен ордер на арест.

– Кого именно?

– Учителя Феррана.

– Хочешь его прищучить? У него же стопроцентное алиби, разве нет?

– Нет у него никакого алиби, – мрачно ответил Анри. – Это он убил жену.

– Но он после нее ничего не наследует, – возразил практичный комиссар. – А мужчина в сорок четыре года не станет убивать из-за какой-то там страсти. Только из-за денег, да, из-за денег!

– Да неважно, из-за чего все случилось, – возразил упрямый Анри. – Это точно он.

Комиссар сдался. По прошлым делам он уже понял, что логика у инспектора Лемье, может быть, и хромает, однако если он счел кого-то виновным, так оно в конце концов и окажется.

– Будет тебе ордер, – объявил Оливьери. – А нож ты еще не нашел?

– Нет, но наши люди его ищут. Хотя Ферран далеко не глуп и наверняка уже успел от него избавиться.

– Но ты уверен, что это учитель?

– Он, даже не сомневайтесь. С ножом или без, я все равно его прижму.

– Как?

– Еще не знаю, но прижму.

Он вернулся к себе, позвонил Габриэлю, объяснил, что поход к баронессе Корф придется отложить на вечер, поставил локти на стол и, соединив ладони, мрачно задумался. Жильбер Ферран – тип на редкость хладнокровный. Чем же его пронять? Как заставить сознаться в содеянном?

Он все еще думал об этом, уже когда получал бумагу, позволявшую ему взяться за Феррана всерьез. На лестнице, ведущей на второй этаж, Анри машинально ответил на приветствие машинистки, мадемуазель Грëз. Ей сравнялось двадцать два, и у нее были темные локоны и рот сердечком. Ей нравился инспектор Лемье, потому что он единственный из всего управления не пытался завести с ней легковесные отношения, а когда она дала ему понять, что вообще-то не имеет ничего против, объяснил, что сначала хотел бы стать на ноги, а потом – жениться на какой-нибудь славной женщине, с которой у него будут общие взгляды и стремления. Поскольку, рассуждая о славной женщине, он посмотрел на ее вздернутый носик, мадемуазель Грëз решила, что он имеет в виду именно ее, и преисполнилась к нему такого уважения, что разорвала отношения со вторым инспектором, Птимоном. Анри спустился еще на несколько ступенек, но затем, очевидно, что-то сообразил и, вернувшись, догнал машинистку.

– Мадемуазель Грëз! Я хотел бы попросить вас об одном очень большом одолжении. Скажу сразу же, что вы имеете полное право мне отказать.

Мадемуазель Грëз приосанилась и, прижимая к груди папки, которые она несла, не без некоторого трепета спросила, что именно инспектор имеет в виду.

– В сущности, это маленький эксперимент, – сказал Лемье. – Суть дела вот в чем: сейчас мы доставим подозреваемого. Я поведу его в мой кабинет. Просьба моя заключается вот в чем: вы сядете в коридоре шагах в десяти от моего кабинета. Будет лучше, если вы наденете темное платье, чтобы не выделяться, и шляпку с вуалеткой, чтобы он не видел вашего лица. Я под каким-нибудь предлогом остановлю Феррана недалеко от вас и затем подойду к вам. Вы должны несколько раз кивнуть, словно узнали его, и указать в его сторону. Нужно, чтобы он это увидел и подумал, что вы его изобличили. Я задам вам шепотом пару вопросов, вы на них ответите, и я уведу Феррана. Вот и все.

Предложение Анри было куда заманчивее перспективы перепечатывать очередные занудные протоколы о находящихся в Ницце нелегалах, и легко понять, что мадемуазель Грëз согласилась, не раздумывая...

– Очень странно, что вам понадобилось меня задерживать, – сказал Ферран, спокойно улыбаясь в лицо инспектору. – Конечно, я самый удобный для вас подозреваемый. Я понимаю, что я муж жертвы, и вам не надо напрягать фантазию...

– Речь идет вовсе не о моих фантазиях, месье, – возразил Лемье, борясь с сильнейшим желанием без всяких околичностей схватить этого самоуверенного интеллигентного червяка за воротник и трясти его, пока он не сознается. – У следствия возникли кое-какие вопросы, и необходимо выполнить определенные формальности.

И, когда они ехали в управление, он был чрезвычайно вежлив, говорил только о погоде и постоянно улыбался к месту и не к месту, так что поневоле у Феррана, внимательно наблюдавшего за полицейским, создалось впечатление, что перед ним самый никчемный сыщик на свете.

– Сюда, месье...

Они поднялись по лестнице и свернули в коридор. Завидев мадемуазель Грëз, Анри неожиданно придержал своего спутника за рукав.

– Стойте. Кажется, я не взял ключ...

Учитель нахмурился, а Анри, не скрываясь, подошел к мадемуазель Грëз и наклонился к ней.

– Это он? – шепнул инспектор.

Добросовестно исполняя свою роль, переодетая машинистка несколько раз энергично кивнула и вдобавок указала на Феррана пальцем (хотя еще мать внушала ей, что тыкать пальцем неприлично и на таких девушках мужчины не женятся). Инспектор наклонился еще ниже.

– Мадемуазель Грëз, знаете что?

– Да, инспектор?

– Вам известно, что вы до неприличия хороши?

Мадемуазель Грëз очаровательно покраснела, и Анри устыдился своего ребячества. Боже мой, как она может быть такой наивной, по несколько часов на дню перепечатывая бумаги об убийствах, насилиях и ограблениях?

– Скажите мне что-нибудь, – попросил Анри.

– Вы очень-очень славный, – шепнула мадемуазель Грëз.

– Благодарю вас, – громко сказал Лемье, распрямляясь. – Конечно, ваши показания будут приобщены к делу, мадемуазель.

Он вернулся к Феррану и, согнав с лица всякое подобие улыбки, повел его в свой кабинет.

Они сели по обе стороны старого канцелярского стола, который был тут, вероятно, еще во времена императора Наполеона, а то и тогда, когда Ницца была частью Пьемонтского королевства. Теперь инспектор Лемье был холоден, непроницаем и сосредоточен. Учитель заметил перемену поведения в своем спутнике и встревожился. Анри вел себя так, словно он *знал*. «Но что он может знать? – ломал себе голову Ферран. – Боже мой, что? В чем моя ошибка? Где я мог ее допустить?»

Он беспокоился все сильнее и сильнее, несколько раз нервным движением поправил очки, которые почему-то вдруг стали давить на переносицу, а Анри, покачивая в пальцах карандаш, равнодушно смотрел в окно. Он не говорил ни слова, молчал и Ферран, но это странное безмолвие вскоре начало давить учителю на нервы. Он вспомнил, что у французской полиции свои методы, что там не бьют, как в Америке, но могут допрашивать по шестнадцати часов кряду, а если понадобится – и дольше. И даже то, что Анри вовсе не походил на громилу, а скорее уж на прилежного студента, теперь казалось ему подозрительным. Убийства не дают расследовать кому попало, вяло помыслил учитель, они как десерт, достающийся лучшим ученикам. И он вздрогнул, когда услышал тихий, равнодушный голос инспектора.

– Я надеюсь, у вас есть смягчающие обстоятельства, месье.

Он говорил, словно обращаясь к своему карандашу, и все же Ферран закоченел на месте.

– Французские судьи не любят выносить смертные приговоры, это верно, но их коробит, когда мужья убивают своих жен. Хотя... – Анри повел плечами, – в сущности, какая мне разница? Отрубят вам голову или сошлют в Сен-Лоран – это уж ваши проблемы, простите.

– Я не понимаю... – начал Ферран, бледнея.

– Бросьте. Все вы понимаете.

И вновь это удушающее, обволакивающее молчание. Учитель хотел бороться, хотел протестовать: у него алиби, его подтвердят мать и отец, их служанка... Он не убивал свою жену!

Да, она была костлявая, сварливая и надоела ему до смерти, но сколько в Ницце таких же сварливых и костлявых жен, вгоняющих в тоску своих мужей, и никто их не трогает...

Лемье повернулся на стуле и взглянул убийце прямо в глаза. В эти мгновения – откроем маленький секрет – инспектор думал только о том, кто убил супругов Рошар, и о том, насколько Амалия права, говоря о подоплеке этого дела. Но Ферран уловил, что хотя он здесь, он полицейского более не интересует. Он был *уличенный*, менее чем ноль, отработанный материал, и уже неважно, когда именно его заприметила та девка из коридора – тогда ли, когда он убивал свою жену (но как? увидела через окно? неужели он забыл задернуть занавески?), или тогда, когда переносил тело под железнодорожную насыпь, чтобы запутать следы. «Какой у него безжалостный взгляд», – подумал учитель, содрогаясь. Он ехал сюда кремнем, готовым дать бой противнику на его территории, а теперь чувствовал, что превратился в размякшую манную кашу. «Боже, боже... дай мне сил!» Но бог не отвечал.

– Я не мог убить мою жену, я уже говорил вам, – вяло начал учитель. – В это время...

– Да-да, я уже слышал эту историю о визите к родителям. Однако ваш отец упомянул, что радио почему-то было сломано – почему? Потому что вы перевели стрелки всех часов в доме – очень простой, но эффективный трюк. Вы не могли оставить радио, потому что передачи идут по программе, и если бы ваши родители услышали, что новости идут в одиннадцать вечера вместо девяти, они бы обо всем догадались. Так что ваше алиби не стоит и ломаного гроша, мсье Ферран.

И снова в кабинете повисло молчание.

– Можно я закурю? – неожиданно попросил учитель, и по его голосу Анри понял, что тот сломлен окончательно.

Инспектор выдвинул ящик, достал из него пачку сигарет, которые он держал специально для задержанных (сам Анри не курил), и протянул ее убийце. Ферран жадно затянулся.

– Я ни о чем не жалею, – сказал он наконец. – Луиза вконец меня измучила.

– Дело ведь не только в Луизе, не так ли? – прищурился инспектор.

– А, так вы уже узнали об Онорине? – Ферран криво улыбнулся. – Быстро работаете, однако...

Онорина была двоюродной сестрой убитой. По правде говоря, Лемье даже не подозревал о ее отношениях с учителем, он задал вопрос, имея в виду материальный интерес преступника. Анри не сомневался, что такие, как Ферран, могут убить из-за денег, и только из-за них. Онорина, конечно, присутствовала, но, так сказать, шла вторым номером.

Через два часа инспектор Лемье докладывал восхищенному комиссару Оливьери:

– У Ферранов не было денег. Муж мог бы прилично зарабатывать, но он все спускал на тотализаторе. Жена его была бесплодной, и из-за отсутствия детей они то и дело ссорились. Впрочем, они ссорились постоянно и по любому поводу... Из экономии они взяли в дом двоюродную сестру Луизы Онорину, чтобы она вела хозяйство. Между Жильбером и Онориной возник роман... Он мне этого не говорил, но я уверен, что она первая подала мысль избавиться от его жены. Впрочем, сначала они позаботились застраховать жизнь мадам Ферран на крупную сумму... без ее ведома, с помощью Онорины, которая выдала себя за нее, когда подписывала страховку. Онорина уже арестована, но ее сообщник настаивает на том, что в убийстве она не принимала участия. Физически, может быть, и не принимала, но то, что она была заинтересована в смерти сестры, совершенно очевидно.

– Как ты понял, что это он? – перебил его экспансивный комиссар.

– Луизу Ферран убили вечером, когда на улице уже темно. Точный удар в сердце, остальные – только для виду, чтобы на насыпи было побольше крови и никто не сомневался, что жена учителя погибла именно здесь... Но в темноте не так-то просто зарезать человека одним ударом. Я расспросил знакомых учителя, и выяснилось, что Жильбер Ферран отлично знает анатомию, а не только ботанику и биологию. Он знал, куда надо нанести удар, и, конечно, убийство

случилось при свете, как я предполагаю – в пристройке дома Ферранов. Про его трюк с алиби я вам уже рассказал. Онорина в день убийства уезжала, чтобы ее никто не заподозрил... Когда он понял, что все кончено, он расслабился и стал молоть всякий вздор. Мол, в природе есть львы и леопарды, хищники по самой своей натуре, которые пожирают других, и сам он – такой же хищник, ничем от них не отличается. Мне это надоело, и я ему сказал, что мало убить беззащитную женщину, чтобы стать хищником. Тут он сник окончательно... Я проследил, чтобы у него отобрали шнурки и прочее. Не хватало еще, чтобы он попытался покончить с собой.

– Комиссар! – В дверь просунулась голова инспектора Птимона. – О, пардон, инспектор... Там старуха Вадье бузит.

– Пьянчужка? Чего ей надо?

– Уверяет, что видела, как учитель тащил труп жены на насыпь. Я ей сказал, чтобы она убиралась и проспалась как следует, но она точно описала, во что он был одет, и назвала другие подробности. Что мне с ней делать?

Анри не мог не улыбнуться. Подумать только, он-то так старался устроить маленькое представление при помощи мадемуазель Грёз, подставного свидетеля, потому что у него ровным счетом ничего не было, кроме подозрений... А ведь всего-то надо было подождать несколько часов, чтобы настоящий свидетель объявился сам собой.

– Сними с нее показания, – распорядился комиссар. – Только, умоляю тебя, сделай как-нибудь, чтобы она выглядела прилично. Скоро сюда заявится этот проныра-фотограф, и если она попадет в кадр в непотребном виде, мэру это не понравится, и префекту тоже. Да и нам самим выгоднее иметь свидетеля, который пристойно выглядит, особенно когда дело дойдет до суда...

– Однако быстро ты его расколол! – были первые слова Габриэля, когда он увидел Анри. Инспектор посмотрел на часы.

– Мы опаздываем... Садись в машину, я поведу.

Дверь им открыла Ксения.

– Привет, красотка! – сказал Габриэль, на которого выразительное лицо девушки произвело самое выгодное впечатление. – Ваше сердце еще свободно?

– Придержи язык, это дочь хозяйки, – одернул его инспектор.

Ксения поглядела на Габриэля сверху вниз (она была на несколько сантиметров выше), и глаза ее сверкнули.

– Подрастите сначала. – И она добавила, обращаясь исключительно к Лемье: – Мама вас ждет.

Габриэль понял, что непоправимо уронил себя в глазах девушки, и насупился. Он чувствовал себя немного не в своей тарелке и, чтобы отвлечься, смотрел по сторонам, пока они шли по коридорам и лестницам. Из всей виллы Амалия оставила для себя лишь несколько комнат, а остальные были заняты беженцами, многие из которых были больны или ранены и нуждались в уходе. Когда-то дом был роскошно обставлен, но часть обстановки Амалии пришлось продать, а вещи, которые были ей дороги, она перевезла в парижскую квартиру. До войны у нее было состояние, более чем значительное для частного лица, – состояние, которого с лихвой хватило бы на всех членов семьи, но теперь, с утратой всех владений, оставшихся в России, и тех денег, которые она не успела перевести из российских банков, Амалия вряд ли могла считаться богатой. Тем не менее она считала делом чести содержать приют для беженцев, хотя и понимала, что если не случится никаких перемен к лучшему, его придется закрыть, а виллу продать. Покамест она предпочла продать картину Ренуара – один из портретов, которые он написал с нее, – чтобы продолжать содержать приют.

Амалия сидела в гостиной, перелистывая книги. Когда Ксения ввела Анри и Габриэля, баронесса отложила книги и поднялась с места.

– У вас красивый дом, – громко заметил фотограф, пытаясь исподволь загладить впечатление, которое он произвел на Ксению. Но девушка уже удалилась и прикрыла за собой дверь.

– Садитесь, господа, – сказала Амалия, – и давайте поговорим о деле. Мсье Лемье уже рассказал, что от вас требуется?

– Да. Отправиться в некую деревушку и расспросить обитателей о Лили Понс. Так как она родилась в Ницце, редактору хочется, чтобы я написал очерк о ней. Ничего сложного, по моему.

– Дело не только в Лили Понс, – сказала Амалия. – Нам нужно знать все о тех, кто был в одном замке с певицей, когда она покончила с собой. Если наши предположения верны, двое гостей и двое слуг уже убиты, и все это каким-то образом связано со смертью Лили. О ходе расследования во всех подробностях сообщайте мне, если выясните что-то особенно важное, сразу же телеграфируйте. Сколько вам нужно на расходы?

– Давайте посмотрим, – оживился Габриэль. – Проживание в гостинице, питание, проезд по железной дороге...

– Бросьте, – вмешался инспектор, до того молчавший. – Как у журналиста, у вас есть право бесплатного проезда по железной дороге.

– А писчебумажные принадлежности? – вскинулся Габриэль. – И вообще я должен вам сказать, что ваше поручение не представляется мне безопасным. В деле уже есть четыре трупа, и я вовсе не желаю, чтобы мой стал пятым.

Амалия выдвинула ящик стола, достала деньги и подала их Габриэлю.

– Этого хватит?

– Вполне, – ответил за него Лемье.

Фотограф покосился на инспектора, тяжело вздохнул и засунул деньги в карман.

– Я хотел бы только кое-что понять, – начал Габриэль. – Вы думаете, что Лили Понс была убита и весь сыр-бор из-за этого?

– В ее смерти определено было что-то странное, – сказала Амалия. – Но у нас нет никаких доказательств, ничего, кроме предположений. Если мы хотим разобраться, нам нужны точные данные.

– Ясно, – кивнул Габриэль. – Я сообщу вам, как только раскопаю что-нибудь. Отпуск в редакции я уже получил.

Когда мужчины прощались с Амалией, он не удержался и, покраснев, проговорил:

– Пожалуйста, попросите за меня извинения у вашей дочери. Я принял ее за горничную, а ей это не понравилось.

Он запнулся и покраснел еще сильнее. Но Анри Лемье, присутствовавший при этом, оказался на редкость чуток и предпочел ничего не заметить.

Глава 7

Первые свидетели

Так как напрямую из Ниццы в замок Поршер было не попасть, Габриэль решил сначала добраться до Тура, главного города региона, и уже оттуда ехать в нужный ему замок.

По натуре невысокий фотограф был домоседом и редко выбирался за пределы Ниццы, так что, когда он наконец вышел из вагона в Туре, он был уверен, что ненавидит железные дороги больше всего на свете. Ему пришлось делать несколько пересадок, один раз он едва не перепутал поезд, и еще у него чуть не увели весь его багаж – чемодан с драгоценной камерой, сменой одежды и прочими вещами, столь необходимыми мужчине в путешествии, даже если этому мужчине всего чуть больше двадцати лет.

Проведя ночь в Туре, он стал выяснять, как ему добраться до Поршера, и тут ему повезло: знакомый хозяина гостиницы, живший в деревне Шансо, которая расположена недалеко от замка, как раз собирался возвращаться туда из города и согласился захватить с собой Габриэля, причем совершенно бесплатно.

Старенькая машина тряслась по шоссе, шофер болтал без умолку, а Габриэль смотрел на поля и виноградники, простирающиеся по обеим сторонам дороги.

– А ты, значит, журналист, да? – спросил шофер в девятый или десятый раз. – Хорошая работа, должно быть! Пишешь себе и пишешь, не то что у нас...

Спутник дал ему понять, что работа прескверная, редактор – тиран, который притесняет его, бедного маленького человека, и вот теперь старику втемяшилось, что надо бы дать материал о Лили Понс, и он погнал Габриэля черт знает куда, искать замок, в котором она покончила с собой, да сделать фотографии на месте. И такое кислое выражение лица было у маленького фотографа, что спутник сразу же ему поверил.

– Значит, ты из-за Лили Понс к нам приехал! А я, скажу тебе честно, ее песен и не слушал никогда. У нас в деревне своих забот по горло, где уж тут развлекаться...

– Но ты ее знал? – спросил Габриэль с любопытством. – Может быть, видел?

– Конечно, видел. Она приехала из Парижа, вся расфуфыренная, сняла замок у кюре...

– У вас что, кюре владеет замком?

– Да нет, что ты! Он был тогда опекун двух сирот, которые и есть владельцы. Конечно, в мирное время он бы не был опекуном, но тогда война шла, а всем в округе известно, что наш кюре – человек честный, хоть и немного занудный. Лили Понс тогда осмотрела несколько замков и сказала, что Поршер ей нравится больше всего. Кюре, очевидно, что-то предчувствовал, потому что ни в какую не хотел сдавать ей замок... Но у нее были деньги, много денег, и в конце концов он уступил.

– Сколько времени она прожила в Поршере?

– Месяц, не больше. Кюре с ней намучился – то ее гости выпили запасы вина, которые не имели права трогать, то затоптали сад, а там какие-то редкие растения росли. И фонтан она устроила без спросу, хотя ничего не имела права переделывать в замке, даже картину перевесить. Кюре стал грозить ей судом, но тут вмешался адвокат...

– Сезар Гийо?

– Во-во, так его и звали. Он прицепился к каким-то закорючкам в договоре и сказал, что скорее уж мадам Понс имеет право подать в суд, потому что по договору замок такой благоустроенный, что дальше некуда, а на самом деле развалюха. Это он перегнул, конечно, – Поршер замок хоть куда, просто законники всегда найдут к чему прицепиться. Наш кюре не горел желанием идти в суд, так что пришлось ему смириться. Только потом он все равно отыгрался –

когда певичка покончила с собой, настоял на том, чтобы похоронить ее за оградой, и прочитал пламенную проповедь о самоубийцах, которые-де оскорбляют небо.

– Так что, Лили Понс тут и похоронена?

– Да. Хотя все местные сильно удивились.

– Чему? Что ее не повезли хоронить в Париж?

– Нет, что она вообще умерла. Она веселушка была, день-деньской патефон гремел в комнатах. Помню, как она приехала в Поршер с вещами, так целый автомобиль был забит ее шляпками и юбками. Она потом несколько старых платьев отдала горничной Мари. Та моей жене племянница, – пояснил шофер, – но после этого Мари так загордилась, нос стала задирать...

– Мари, значит? А по фамилии?

– Мари Флато. А на что она тебе?

– Она до сих пор живет в деревне? Можно ее увидеть?

– Не, она давно от нас уехала. Вышла замуж, потом с мужем у нее пошли нелады... Она устроилась в какую-то семью, а они потом уехали в колонии и взяли ее с собой. Да, хуже не бывает, когда человек начинает задаваться...

– А сколько вообще людей тогда было в замке?

– Я ж их не считал... Много. – Шофер хохотнул. – Как они тогда все оттуда дунули...

– Когда?

– Ну, когда она покончила с собой. Мне Жюльен рассказывал, он, значит, там садовником работал и помогал вещи грузить, потому что слуги с ног сбивались. Господа так суетились... Все хотели побыстрее сбежать оттуда.

– А Жюльена этого можно сейчас найти?

– Конечно. Он мой сосед.

– Я в Ницце встречал одного мужика, Рошара. Он говорил, что когда-то был в замке дворецким... Это правда?

– Был, был! – радостно осклабился шофер. – Значит, он и Савини в Ниццу переехали? А мы-то ломали голову, куда они делись. Они же уволились через несколько месяцев и уехали...

– Скажи, а вообще много в замке было слуг?

– При старых хозяевах их было порядочно, но сам понимаешь, когда началась война... Так что слуг осталось не шибко много. Дворецкий Рошар, его жена, которая всем заправляла, потом Мари... Мадам еще, помню, привезла с собой шофера. До войны в замке было три садовника, но потом остался только один. Он хромал, и его не взяли в солдаты, остальных-то забрали без проблем...

– Значит, всего получается пять слуг? Действительно маловато... А как звали шофера, не помнишь?

– Ашиль. Ашиль Герен, во как. Но он уехал сразу после похорон.

– Я читал, что в замке находились раненые. Это правда?

– Да, были несколько бедолаг, которых привезли сюда из тылового госпиталя. Мадам Понс, наверное, хотела сделать доброе дело, но ничего из этого не получилось. Да она и не заходила к раненым, их навещал только доктор.

– Что за доктор?

– Доктор Анрио. Он жил тогда в замке и присматривал за ранеными.

– Где его можно сейчас найти?

– Понятия не имею. Он не местный.

– Не знаешь, на то Рождество к Лили Понс приехало много гостей?

– Да порядочно. Я же говорю, они после ее смерти все сбежали. Машины отъезжали от замка одна за другой.

Габриэль привстал с места. Забавно, подумал он, я приближаюсь к цели моего путешествия, и что же я чувствую? Но он не ощущал ничего, кроме холодного отстраненного любопытства.

Несколько простых домов с серыми стенами стояли вокруг церкви с высокой колокольней. Самая обычная деревня, какие десятками встречаются в Турени.

– Замок в трех километрах отсюда, – заметил шофер. – Поедете туда сразу или сначала промочите горло?

– Мне надо где-то остановиться, – сказал Габриэль, подумав. – Кроме того, для промачивания горла мне нужна компания.

– Идет! Гостиница у нас одна, но места в ней всем хватит. Хозяин – мой кузен.

– А почта у вас где?

– Рядом с гостиницей.

Таким образом, все устраивалось как нельзя лучше. Габриэль договорился о номере, заплатил за пиво и, окончательно став для шофера Луи своим человеком, отправился взглянуть на замок, где разыгрался последний акт жизни знаменитой когда-то певицы.

Габриэль терпеть не мог слово «идиллия», но он был вынужден признать, что местность, на которой располагался замок Поршер, оказалась и в самом деле идиллической. Легко было понять, отчего именно это место так полюбилось Лили Понс. Здесь легко было дышать и приятно – отдыхать. Маленькая речушка, или, вернее, намек на речушку под названием Шуазий, приятно журчала под старыми деревьями. Сам замок оказался небольшим, но симпатичным строением в три этажа с живописными островерхими башенками. Плющ заплетал фасад так густо, что кое-где доходил до самой крыши.

– Я хотел бы сделать несколько фотографий, – сказал Габриэль. – И заглянуть внутрь, если можно. Особенно меня интересует комната, где жила Лили Понс.

Луи почесал нос и сказал, что, если хозяев сейчас нет, можно попробовать договориться с нынешним дворецким, потому что он приятель кузена – того самого, который держит гостиницу. Однако Габриэлю не повезло – Луи вернулся с ответом, что хозяйева дома и что они категорически возражают против того, чтобы какие-то репортеры вламывались в их замок, да еще делали фотографии.

– Дай-ка я сам поговорю с ними, – решительно сказал юный проныра и, отодвинув Луи, двинулся по дорожке к замку.

В уютной гостиной, где вещи XVIII века соседствовали с патефоном и старым роялем какого-то странного желтоватого цвета, Габриэля приняла застенчивая барышня с русыми волосами, одетая в светлое платье. Фотограф сразу же сообразил, что это одна из двух сирот, которых некогда опекал неуступчивый кюре. Очень мило порозовев, барышня витиевато извинилась, что она с братом никак не могут исполнить просьбу гостя.

– Мы понимаем, что вы проделали долгий путь, – закончила она, – но эта история была для нас настолько неприятна, что мы предпочли бы лишний раз ее не ворошить.

Габриэль понял, что настала пора идти ва-банк.

– Скажите мне, мадемуазель, только честно: вам нужны деньги? – Барышня открыла рот, и, видя, что вопрос попал прямо в точку, фотограф отважно ринулся в атаку. – Боюсь, вы недооцениваете, какую службу вам может сослужить упоминание вашего замка в нашей газете. Крайне прискорбно, но любой скандал привлекает внимание людей куда быстрее, чем самая изоциренная реклама. Уверяю вас, не пройдет и недели после публикации, и в Шансо хлынут толпы любопытных. Не исключено, что кое-кто из них захочет снять замок, и тогда вам останется только определить финансовые условия. Ну так как, мадемуазель?

Но мадемуазель глядела на Форе во все глаза и ничего не говорила.

– В конце концов, – добил ее Габриэль, – никакой вашей вины нет в том, что эта вздорная певичка покончила с собой именно здесь. Почему бы сейчас не использовать это обстоя-

тельство во благо? Вы ведь наверняка мечтаете о Париже, о балах, о компании чутких, умных людей...

Тут барышня, опомнившись, поняла, что оказалась в компании змея-искусителя, с которым у нее так же мало шансов совладать, как и у ее праматери Евы. Трепещущим голосом она сказала, что не может решить все прямо сейчас... в одиночку... но ей надо посоветоваться с братом.

– Собственно говоря, – пролепетала она, – я не совсем понимаю, чего вы хотите... Та комната давно заперта, мы ею не пользуемся, но... даже если я вам ее покажу... что это вам даст?

– Я хочу просто там осмотреться и сделать несколько фотографий, – объяснил Габриэль. – Кстати, если вы не прочь продать замок, я мог бы вставить в статью намек. Люди обожают недвижимость с историей...

Барышня тяжело вздохнула. Она была не то чтобы красавица, но миловидная, с тонкой шеей и длинными ресницами. «Только куда ей до дочери баронессы!» – подумал безжалостный Габриэль.

– Я, право, не могу... Мне надо посоветоваться... – Она с надеждой поглядела на Габриэля. – Может быть, вы придете к нам сегодня на ужин?

...Она прекрасно помнила, что ее бабушка, дочь герцога, не пригласила бы к ужину никого ниже графа, и в те дни, когда делали исключение для кюре и приглашали его за стол, ему давали понять масштабы оказываемой милости, да и он сам отлично ее сознавал. Но времена, когда титул что-то значил, безвозвратно прошли, и теперь Габриэль, прибывший издалика, загорелый, обаятельный и с хорошо подвешенным языком, имел вес если не заморского принца, то уж точно вполне достойного сотрапезника.

– С радостью, – ответил фотограф. – Честно говоря, я ужасно устал с дороги и буду чрезвычайно рад провести вечер в вашем обществе... и обществе вашего брата, – поспешно прибавил он.

– Тогда мы ждем вас, – сказала барышня и объяснила, к какому часу ему следует явиться.

«Ну что ж, – сказал себе Габриэль, спускаясь по ступеням, – если это не победа, то хотя бы ее половина. Комната Лили Понс была заперта вскоре после самоубийства – чего лучшего можно желать для расследования? Главный вопрос теперь – успею ли я до ужина побеседовать с садовником».

* * *

«Баронессе Амалии Корф.

Срочно и весьма секретно.

Многоуважаемая госпожа редактор,

я прибыл в замок Поршер и уже успел навести кое-какие справки, которые не замедляю довести до вашего сведения.

Итак, на момент гибели Лили Понс в замке собралась довольно теплая компания, в которую входили гости в количестве 9 штук, а именно:

1) Сезар Гийо (ныне покойный), адвокат Лили Понс;

2) Оноре Парни (ныне покойный), импресарио и владелец мюзик-холла, в котором она часто выступала;

3) Жан Майен, молодой человек без определенных занятий, сын нынешнего министра Жоржа Майена;

4) Филипп Анрио, доктор, ухаживавший за размещенными в замке ранеными;

- 5) Антуан Лами, бывший любовник Лили Понс, миллионер;
- 6) Эрнест Ансельм, его пасынок, азартный игрок;
- 7) Андре Делотр, брат мужа Лили Понс, с виду чистый сухарь;
- 8) Жером Делотр, младший брат того же мужа, вполне приличный господин;

9) Люсьенн, жена номера семь. По словам свидетеля, больше всего походит на надутую жабу.

Помимо них, в замке находились пятеро слуг, а именно:

- 1) Жозеф Рошар (ныне покойный), дворецкий;
- 2) Савини Рошар (ныне покойная), его жена;
- 3) Мари Флато, горничная;
- 4) Ашиль Герен, шофер Лили Понс;
- 5) Жюльен Кур, садовник, который за порядочную мзду и предоставил мне большую часть этих сведений.

Но это еще не все, так как в замке находились также раненые, которых доставили туда за несколько дней до Рождества. Это были:

- 1) Стефан Эриа, угрюмый тип, который все время курил, несмотря на запреты доктора;
- 2) Жак Бросс, калека, которому взрывом оторвало обе ноги;
- 3) Бернар Клеман, о котором Жюльен помнит только то, что тот не особенно рвался вернуться на фронт и жаловался на болезни, которых у него не было;
- 4) Лоран Тервиль, который не должен нас интересовать, так как он скончался утром 24 декабря.

В общем, помимо самой Лили Понс, в Поршере находилось ровным счетом семнадцать человек. Раненых поместили в пристройке, откуда не было прямого хода в замок. У садовника есть свой домик на территории сада, но он достаточно часто бывал в главном здании. Полагаю, что выводы из этих обстоятельств вы сумеете сделать гораздо лучше меня.

Спальня Лили Понс, в которой она покончила с собой, находилась на третьем этаже замка. По словам Жюльена, она выбрала эту комнату, потому что ей нравился вид, открывавшийся из окна. Также я выяснил, что по соседству с ней располагалась спальня Жана Майена, который явно был к ней неравнодушен. Однако непохоже, чтобы она относилась к нему всерьез.

Жители деревни, которых я успел опросить, сходятся в одном: Лили Понс ничуть не казалась потрясенной гибелью родных. Однажды Жюльен видел, как она сидела на коленях у своего бывшего любовника Антуана Лами и, смеясь, кормила его виноградом. Вообще за ней многие ухаживали, однако братья ее мужа явно относились к ней более сдержанно, чем остальные. Это объясняется тем, что муж Лили завещал ей большую часть своего состояния, и братья в значительной мере зависели от нее.

Сейчас я отправляюсь на званый ужин, чтобы попытаться выбить из владельцев замка разрешение сделать фотографии на месте преступления. (Покои Лили Понс все это время были закрыты на замок.) Надеюсь, вы будете достаточно снисходительны, чтобы пожелать мне удачи.

Также я собираюсь побеседовать с кюре, с местными кумушками и вообще опросить всех, кого только можно, чтобы попытаться установить истинную картину происшедшего. Пока ясно только одно – что слова о депрессии Лили Понс, напечатанные в газете, совершенно не соответствуют

действительности. А раз она так восприняла смерть мужа и сына, совершенно непонятно, с чего ей было кончать с собой.

Кроме того, я полагаю, вам будет небезынтересно узнать, что я оказался не единственным, кто интересуется гибелью Лили Понс. Регулярно в эти края забредают любопытные, которые ходят взглянуть на могилу и задают разные вопросы. Впрочем, судя по всему, это обыкновенные ротозеи, которых привлекает запах драмы.

Преданный вам

Габриэль Форе.

P.S. Передайте мадемуазель Ксении, что я искренне раскаиваюсь».

Глава 8

Ужин на четверых

– Это мсье Габриэль Форе, а это мой брат Эрве. Мы очень рады видеть вас под нашим скромным кровом, мсье Форе.

Сухощавый высокий Эрве протянул журналисту руку и слегка поморщился, когда Габриэль слишком сильно пожал ее. Бланш улыбнулась и незаметно поправила цветок на платье. Брат и сестра были очень похожи друг на друга – русоволосые, с мелкими, аккуратными чертами немного вытянутых лиц, но Эрве казался более замкнутым, а Бланш – более застенчивой. Будь Габриэль Форе наблюдательнее, он бы сразу же отметил, что девушка тщательно готовилась к сегодняшнему вечеру, подвила волосы и наверняка долго выбирала платье, прежде чем остановиться на шелковом наряде персикового цвета, который она освежила, пришив несколько деталей, которые в Париже показались бы чересчур провинциальными, но ей самой были очень к лицу. Она казалась – и была – очень юной и хрупкой, но все это не трогало Габриэля. Длинные волосы Бланш, которые она тщательно уложила в простую, но милую прическу, казались ему старомодными, как и церемонный тон Эрве, которым тот заговорил с журналистом о его газете. Форе отвечал небрежно, но успел рассказать один или два анекдота, когда дверь растворилась, и лакей доложил, что прибыл кюре Моклер.

«Его что, тоже пригласили на ужин?» – удивился про себя Габриэль.

Он увидел седовласого господина с лохматыми бровями, высоко державшего голову, и хотя в облике кюре ничто не намекало на хитрость, низость или упрямство, инстинктивно фотограф сразу же почувствовал, что со священником придется нелегко. Взгляд серых глубоко посаженных глаз, каким кюре окинул заезжего проныру, не сулил Габриэлю ничего хорошего. Однако покамест были сказаны лишь первые, весьма любезные, слова, и вскоре Бланш пригласила гостей за стол.

По неопытности, а может быть, и от равнодушия Габриэль принял как должное и то, что к ужину было подано лучшее вино, и то, что хозяйева постарались с самим ужином. Однако кюре сразу же заметил желание хозяев – по крайней мере, хозяйки – понравиться своему гостю и помрачнел. Историю с Лили Понс, которая благодаря его попустительству вселилась в прекрасный старинный замок и своим самоубийством оскандалила Поршер на всю страну, Моклер считал своим позором, и легко поэтому понять, что он не испытывал к заезжему газетчику никакой симпатии. Более того, узнав о цели путешествия Габриэля, кюре настоятельно советовал Бланш не принимать у себя этого залетного щелкопера, но по непонятной причине девушка заупрямилась. «Что она нашла в этом коротышке?» – неприязненно думал кюре, поглядывая на Габриэля, который как раз углубился в очередной редакционный анекдот. (Справедливости ради следует отметить, что сам кюре был ниже фотографа на два сантиметра.)

А Бланш между тем думала, что Габриэлю куда больше нравится говорить с Эрве, чем с ней, и что, если бы она не пригласила кюре, она бы – о да, она бы осмелилась немножечко накрашиться, и тогда фотограф беседовал бы с ней с куда большим удовольствием. Мысль прийти накрашенной туда, где находится кюре Моклер, ей даже в голову не приходила, потому что было совершенно очевидно, что при виде косметики добрейший святой отец остолбенел бы, позеленел, побагровел, посинел, после чего его хватил бы удар, и он скончался бы прямо на полу большой столовой замка Поршер, обшитой дубовыми панелями.

Тут кюре произнес несколько слов, и Бланш, вздрогнув, подняла глаза.

– То, что вы рассказываете тут, подтверждает, что журналист – вовсе не христианская профессия, – назидательно промолвил Моклер.

Габриэль понял, что, дав волю фантазии и языку, чрезмерно увлекся и подал врагу повод для нападения. Тут с маленьким фотографом случилось то, что случилось вообще-то довольно редко, – он обозлился.

– Интересно, а кто решает, какая профессия достойна быть христианской, а какая – нет? – вызывающе спросил он. – Может быть, сам Христос говорил что-нибудь дурное о журналистах? Покажете место в Библии, где он это утверждает?

Отповедь получилась чрезмерно резкой, и Габриэль сразу же понял, что переборщил. С некоторой опаской он покосился на хозяев, но Эрве, который при всем своем уважении к кюре не слишком его жаловал, вовсе не выглядел недовольным, и по его тонким губам скользнуло подобие улыбки. А Бланш, казалось, только сейчас включилась в разговор и смотрела на Габриэля широко распахнутыми глазами.

– Вы, молодежь... – начал кюре, пытаясь сохранить лицо.

– А вот и десерт, – перебил его Эрве, который вовсе не желал перепалки за столом. – Как вы относитесь к грушам, мсье Форе?

– Плохо, – мрачно ответил фотограф. – Я их съедаю.

– Ну, тогда у вас будет повод отдать им должное, – засмеялся хозяин замка. – В этих краях растет видимо-невидимо груш, мы просто не знаем, что с ними делать.

– Ее гости, помнится, сломали самую старую грушу в саду, – сказала Бланш, ковыряя свой десерт ложечкой.

– Чьи гости?

– Лили Понс.

– Я и забыл, – признался брат.

Тут кюре решил перейти в наступление.

– Скажите, – начал он, обращаясь к Габриэлю, – зачем вам все это? Вы являетесь туда, где вас не ждут, тревожите покой почтенной семьи, не даете господину графу заниматься делами...

Господин граф Эрве де Поршер де Нобле де Вивонн нахмурился. Чего он не выносил, так это когда за него начинали говорить, словно он все еще маленький и сам не способен за себя постоять.

– Резонный вопрос, – к удивлению Бланш, заметил Габриэль. – Дело в том, что мой редактор, – он усмехнулся, представив, как баронесса Корф в качестве редактора сидит за огромным столом красного дерева и, куря одну папиросу за другой, правит тексты сотрудников, причем ухитряется одновременно отвечать на дюжины звонков и просьбы посетителей, – так вот, мой редактор считает, что Лили Понс вовсе не покончила с собой.

– Простите? – вытаращил глаза Моклер.

– Редактор думает, что ее убили. И кое-какие основания для этого имеются.

Брат и сестра обменялись ошеломленным взглядом.

– Это одна из ваших выдумок? – недоверчиво спросил кюре. Но в голосе его уже не было прежнего напора.

– Нет, но, согласитесь, все выглядит как-то странно. Дама не слишком горевала, когда потеряла мужа и сына, – об этом в один голос говорят все, кого я успел опросить. И тут ни с того ни с сего она кончает с собой. Кстати, откуда взялся револьвер?

Эрве слегка поморщился.

– Это был револьвер моего отца, – ответил он. – Мы забыли о нем... Он лежал в ящике комода.

– Заряженный?

– Э... Насколько я помню, нет.

– Получается, Лили Понс умела заряжать револьверы, – подытожил Габриэль, – тогда как в ее биографии ничто на это не указывает. Патроны лежали рядом?

– В другом ящике комода.

– Допустим, что в жизни Лили Понс произошло нечто экстраординарное, и поэтому она после сочельника ушла к себе наверх, достала револьвер, нашла патроны, зарядила его и выстрелила себе в голову. Но самое поразительное, что все гости сбежали, не дождавшись похорон. Словно они чего-то испугались.

– Не говорите вздор, молодой человек, – с неудовольствием пробурчал кюре. – Эта распущенная особа покончила с собой. Я понимаю ваше желание любой ценой привлечь внимание к той старой истории, но...

– Я всего лишь скромный журналист, месье, – возразил Габриэль, – и я нахожусь тут только потому, что получил задание. Мои желания совершенно ничего не значат, поверьте. Кроме того, если бы все было так ясно и просто, я бы написал обычный очерк о жизни девушки из Ниццы, которая стала звездой и плохо кончила. Самоубийство, если вы не в курсе, ценится публикой так же высоко, как и убийство, и нам нет нужды ничего выдумывать. Но есть еще одна проблема, – он поколебался, стоит ли выдавать главный козырь, и, поглядев на напряженное лицо Эрве, решился. – Люди, которые в день ее гибели находились в замке, стали умирать один за другим.

– О! – вырвалось у Бланш.

– При загадочных обстоятельствах, – добавил Габриэль, верный себе. – И редактор думает, что это каким-то образом может быть связано с тем, что произошло здесь в 1915 году.

– Это все ваши выдумки, – заявил упрямый кюре.

– А кто умер? – спросил Эрве.

– Адвокат Гийо и Оноре Парни, владелец мюзик-холла.

– Надо же, – пробормотала Бланш, – как странно... Когда я прочитала об их смерти в газетах, я тоже вспомнила, что они были среди гостей.

– А вы знали гостей? Вы были тогда в замке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.